

Современное государство и вызовы постиндустриального общества

© *Андрей Румянцев*, 2001

<http://www.law.net.ru>

post@law.net.ru

Содержание

Вступление	3
Глава 1. Трансформация политико-экономического устройства мира	6
а) Глобализация как информационный процесс	6
б) Что же такое информация	7
в) 4 этапа глобализации	10
г) Государство и нация	25
д) От вертикального устройства мира к горизонтальному	33
Глава 2. Трансформация власти	41
а) Медиатизация политики	41
б) Глобализация и иностранное воздействие	56
в) Безграничные возможности он-лайнового государства	58
Заключение	64

Вступление

В постиндустриальной стадии развития человечества принято выделять два основных аспекта: глобализацию и так называемое «информационное общество». Точнее, определение «так называемое» можно было бы применить к обоим вышеупомянутым понятиям.

Британский ученый-социолог Фрэнк Уэбстер, автор нескольких авторитетных исследований проблем постиндустриального общества, весьма критически отозвался о склонности именовать любое конкретное общественное состояние с помощью имеющихся или вновь сконструированных понятий либо их сочетаний, признав вместе с тем неизбежность этого:

«Стало общим местом описывать общества такими терминами как «капитализм», «феодализм», «индустриализм», «социализм», «авторитаризм», «тоталитаризм». Многие из нас заметят, как они сами используют подобные термины, попытавшись объяснить какие-либо события и принципиальные сдвиги, или даже, охарактеризовав общие тенденции изменений.

Со всей вероятностью мы заспорим с другими об адекватности этих ярлыков, примененных к конкретным обстоятельствам. Например, если многие будут рассматривать положение России в 1995 году как качественное отдаление от прежней командной экономики эпохи коммунизма, несравненно меньше будет согласия с тем, что этот переход можно в точности описать как сдвиг к полноценному капиталистическому обществу. Существует постоянная потребность уточнять обобщающие понятия, отсюда - до-индустриальный; развитый капитализм; авторитарный популизм; государственный социализм...

И все же, несмотря на эти необходимые уточнения, немногие из нас считают себя способными отвергнуть эти и прочие подобные им концепции. Очевидная причина этого - хотя эти *измы* (курсив автора. - А.Р.) огрубляют реальность и являются предметом изменений, тем не менее они дают нам средство для отождествления и отправную точку для понимания основных элементов того мира, в котором мы живем и из которого мы появились. Представляется неизбежным, что будучи принужденными к пониманию смысла наиболее важных свойств различных

обществ и обстоятельств, мы невольно движемся к принятию масштабных концепций»¹.

Многочисленные концепции постиндустриального, информационного общества относятся к их ряду (обзор наиболее важных из них приведен в указанной работе Ф.Уэбстера). Вообще создается впечатление, что на Западе научились «штамповать» научно-обоснованные, логически выверенные, стилистически безупречные интерпретации социальной действительности, порой взаимно исключают, порой - дополняющие друг друга. Кстати, возможность ничем неограниченного производства подобной интеллектуальной продукции может являться одним из признаков грядущего «чистого» информационного общества (интерпретации реальности без всякой связи с последней).

Кроме традиционных (в основном методологических) проблем, присущих научной деятельности как таковой, объективное изучение любых тем, связанных с оценкой современного исследователю этапа развития общества, осложняется их злободневностью. Понятие «глобализация», «постиндустриальный», «информационное общество» уверенно обосновались в повседневном лексиконе политиков, интеллектуалов, журналистов. Причем, необходимо признать, что слова-лозунги влияют ныне не только на общественное и научное сознание, но и на самих политиков, начинающих, похоже, верить в те девизы которыми им положено воодушевлять массы.

Целью данного исследования является изучение того, что же реально представляют собой процессы глобализации, информатизации, и, в особенности, как они влияют на такой феномен самоорганизации общества как государство. Вначале осуществляется краткий анализ тех политических, экономических, социальных, демографических, правовых, изменений, которые происходят в современном мире и влияют на задачи, стоящие перед государством, и то как государство пытается приспособиться к их решению.

Во второй части рассматриваются вопросы формирования властного воздействия на общественные процессы, как в форме непосредственной демократии, так и с использованием выборных органов государственной власти. Основное внимание уделено медиатизации общества и его политической подсистемы, процессу, получающему свое логическое

---

¹ Webster F. Theories of The Information Society. London and New York, 1995. P.1. Заметим, что выраженная здесь мысль продолжает традицию, заложенную учением Макса Вебера об «идеальных типах».

завершение в ходе массового распространения компьютерных сетей. Кроме этого освещены некоторые более частные вопросы, в первую очередь возможности использования компьютерных сетей в повседневной управленческой деятельности.

Любой из этих тем следовало бы посвятить самостоятельную монографию, однако автор надеется, что данное исследование заложит необходимый фундамент для продолжения работы над рассмотренной здесь проблематикой. В то же время, как представляется, удалось достичь другой немаловажной цели: дать тем, кто ознакомится с предлагаемым текстом, импульс для собственных размышлений о том, в каком направлении происходит развитие современного общества, результаты которых могут существенно отличаться (кстати, очень этого хотелось бы!) от изложенных здесь. Этому же служит предлагаемый список дополнительной литературы: основным критерием подбора книг, кроме тематики, была их способность стимулировать мыслительный процесс, а не то, насколько согласуется содержащаяся в них позиция с мнением автора данной работы.

***

Глава 1. Трансформация политико-экономического устройства мира

а) Глобализация как информационный процесс

С целью дальнейшего рассмотрения поставленных вопросов необходимо определиться с соотношением понятий «глобализация», «постиндустриальное» и «информационное общество». С последними двумя относительно проще: постиндустриальное² общество, как следует из самого его названия, это такая форма общественного устройства, которая хронологически наступает (или должна наступить в силу постулируемого закона общественного развития, в соответствии с которым ни одна из общественных формаций не вечна и рано или поздно заменяется другой, как правило, считающейся более прогрессивной) после периода классического, промышленного капитализма. Понятие же «информационное общество» особо выделяет роль и значение информации в новом общественном устройстве.

Характеристика человека как «общественного животного» (то есть общественность, общественный образ существования как видовое отличие человека от животных) была дана еще Аристотелем. В свою очередь, общество является способом существования человека - существа, для которого информация имеет особое значение. Именно появление речи или, в терминологии И.П.Павлова, второй сигнальной системы, было важнейшим шагом на пути отделения человека от животного мира. Причем люди не только общаются с помощью языка, но и думают на нем³.

Таким образом, совершенно не случайно в сущности человека выделяются две характеристики: общественность и языковое мышление⁴, речь, то есть способность к обработке и обмену информацией. Общество представляется нам как информационная система, узлами которой являются отдельные люди, а информационные процессы могут быть разделены на внутренние (мышление) и внешние (коммуникации). Естественно, что все они являются взаимным продолжением друг друга, и совершенно немислимы по отдельности.

---

² Лат. post - после.

³ Справедливости ради отметим, что вопрос о роли языка в процессе мышления отличается сложностью и неоднозначностью.

⁴ Кроме материалистических оснований выделения человека в особую категорию существуют и трансцендентные. Но о них в секуляризованной советской и постсоветской науке говорить не принято.

Информационную природу человечества подчеркнул и один из родоначальников кибернетики Норберт Винер, считавший, что «сообщество простирается лишь до того предела, до которого простирается действительная передача информации»⁵. Данное замечание дает нам необходимое связующее звено между понятием глобализации и изменением характера информационных процессов.

Если ранее люди общались, как правило, в той или иной степени, непосредственно друг с другом, то сейчас межличностное общение, как индивидуальное, так и коллективное, все более опосредуется техникой - телевидением, Интернетом и т. д. Ранее круг общения, распространения информации представлял собой относительно замкнутую общность людей, проживающих на компактной, достаточно четко очерченной территории, теперь ситуация меняется. Коммуникационные процессы связывают людей совершенно независимо от их территориального местонахождения. Порой о событиях на другом континенте люди имеют больше информации⁶, чем о происшествиях на собственной улице, а круг регулярного общения все большего числа людей (особенно в крупных городах; причем самой активной части населения, способной оказать реальное влияние на общественные процессы) составляют не соседи по лестничной клетке, а участники электронных конференций в Интернете.

Таким образом, то самое винеровское сообщество, в пределах которого происходит действительная передача информации, территориально перестает совпадать с физическим распределением людей. В силу этого подвергаются испытанию многие традиционно сложившиеся институты общества, сущность которых определяется среди прочих территориальным фактором, то есть, в первую очередь, государство.

б) Что же такое информация

Получение единого родового, базового понятия информации после появления и широкого распространения технических устройств, служащих для ее хранения, передачи и обработки, а также соответствующих (математическо-кибернетических) теорий информации, оказалось затруднительным.

---

⁵ Винер Н. Кибернетика или управление и связь в животном и машине. М., 1968. С. 230. Мы опускаем здесь вопрос о том, что такое «действительная передача информации», особенно социально значимой информации.

⁶ «Иметь больше информации» - не обязательно означает «больше знать».

Составители словников некоторых словарно-энциклопедических изданий фактически были вынуждены признать нерешаемость данного вопроса, отказавшись от единого определения информации. Так, в одной словарной статье может приводиться перечень нескольких понятий информации, например, информация - это:

1) некоторые сведения, совокупность каких-либо данных, знаний (в более ранних справочных изданиях это и подобные ему определения были единственными - А.Р.);

2) одно из основных понятий кибернетики⁷.

В третьем издании Большой советской энциклопедии вообще имелось две отдельные статьи, посвященные информации: первая - «Информация общественно-политическая», вторая - «Информация в кибернетике»⁸.

Вместе с тем достаточно широкое распространение получило единое «научное понятие» информации, позволяющее в оперирующих им сферах практической и научной деятельности добиваться решения стоящих перед ними задач (по крайней мере, по мнению сторонников такого подхода):

«Выработка научного понятия информации раскрыла новый аспект материального единства мира, позволила подойти с единой точки зрения ко многим, ранее казавшимся совершенно различными процессам: передаче сообщений по техническим каналам связи, функционированию нервной системы, работе вычислительных машин, разнообразным процессам управления и т. д. Все это связано с процессами передачи, хранения и переработки информации. Понятие информации сыграло здесь роль, аналогичную понятию энергии в физике, также дающему возможность с общей точки зрения описать самые различные физические процессы»⁹.

В последнем случае речь идет о «математизированном» понимании информации, то есть об информации как некоей субстанции, количество которой можно измерить, и более того подвергнуть обработке с помощью математического аппарата. Особый вклад в такое понимание информации внесла теория Клода Шеннона. Она позволяет рассчитывать каналы связи, но естественно, не предназначена для оценки социальной значимости информации.

Попытки оценивать информацию (причем информацию социальную) с количественной точки зрения вызваны кроме прочих причин тем, что она

---

⁷ См., например: *Философский словарь* / Под ред. М.М. Розенталя. М., 1975. С.153.

⁸ См.: *Большая советская энциклопедия*. М., 1972. Т.10. С. 354-355.

⁹ *Философский словарь* / Под ред. М.М. Розенталя. М., 1975. С.153.

постепенно становится основным рыночным товаром, что, кстати, считается одной из особенностей постиндустриального, информационного общества. Экономическая наука и, в значительной степени, практическое экономическое сознание, особенно в крупных западных корпорациях, отличаются высокой степенью математизированности. В то же время, вопрос об объективной необходимости того количества информации, которое сейчас производится¹⁰, стараются замолчать, а вопрос о качестве - и подавно. В итоге информационная сфера человечества, попала в классическую ловушку рыночной экономики: чем выше производство - тем лучше; рост любой ценой; если в товаре нет потребности, ее нужно создать. Один из ведущих теоретиков постмодернизма Жан Бодрийяр дал следующую оценку информационному взрыву, произошедшему где-то в 60-е - 70-е годы: «информации становится все больше и больше, а смысла - все меньше и меньше»¹¹.

Учитывая важность информации для существования человека как такового, развитие ситуации можно оценивать как критическое. Впору говорить о необходимости информационной экологии¹², но как в случае любой экологии, введение информационно-экологических ограничений,

---

¹⁰ Само по себе интересно применение термина «производство» по отношению к информации. Одним из последствий этого стали изменения в правовых подходах к предметам, обладающим информационной природой, например, результатам интеллектуальной деятельности. Если ранее объектом авторского права считался продукт творческой деятельности человека, то теперь, в соответствии с некоторыми теориями авторского права, это нечто, что может быть продано на рынке в качестве произведения, причем, вопрос о творческом, в традиционном понимании, вкладе человека в создание, появление этого произведения объявляется несущественным. Подробнее см.: Reh binder M. Urheberrecht. München, 1998. S. 91.

¹¹ Цит. по: Webster F. Op. cit. P. 22.

¹² Попутно заметим, что термин «информационная экология» уже возникал в российском законодательстве. См. п. 6 Минимального стандарта требований к телерадиовещанию, утвержденного Указом Президента РФ № 377 от 20 марта 1993 года «О гарантиях информационной стабильности и требованиях к телерадиовещанию». Режим информационной экологии, согласно данной норме, состоял в снижении информационной «загрязненности» телерадиопрограмм и повышении требований к культурному уровню и образовательному потенциалу передач. То что авторы текста указа взяли вторую компоненту понятия «информационной «загрязненности» в кавычки, лишний раз свидетельствует об оценочности характера явлений, обозначаемых такого рода терминологией, что крайне затрудняет нормотворчество и правоприменительную практику в этой области.

естественно, натолкнется на сопротивление производителей. Кроме того, манипулирование информацией является способом влияния на общество, в чем заинтересованы практически все активно действующие социальные субъекты (политики, партии, компании и т.д.), каждый, конечно же, в собственных интересах.

Рост количества бессмысленной информации, производимой на псевдоинтеллектуальных конвейерах (например, современными средствами массовой информации и «коммерческими» издательствами), затрудняет процессы социального управления, в особенности при демократическом устройстве государства и общества (по крайней мере, таком демократическом, как это обычно описывается в стандартных учебниках политологии для студентов младших курсов). Об этом подробнее будет сказано во второй главе.

Исходя из всего вышесказанного представляется обоснованным подход, предусматривающий жесткое разделение обоих понятий информации, выступающих по отношению друг к другу скорее как омонимы, одинаково звучащие слова, имеющие совершенно различный смысл. Между кибернетической информацией-сигналом (количество которой можно измерять) и социальной информацией (которая должна что-то обозначать) в лучшем случае существует связь типа «носитель - содержание», сравнимая с той, которая существует между, например, книгой - соединенной в единое целое стопкой отпечатанной бумаги, и смыслом содержащегося в ней текста. Успехи целлюлозно-бумажной и типографской промышленности вовсе не означают появление новых эпохальных литературных произведений, рост числа сайтов в Интернете и объема проиндексированных текстов, доступных в компьютерных сетях, само по себе не свидетельствует о превращении Интернета в кладовую знаний.

в) 4 этапа глобализации¹³

Первый: «Заморская торговля». Впервые о глобализации в собственном смысле слова можно говорить с началом Великих географических открытий. Уровень корабельной техники сделал

---

¹³ Автор отдает себе отчет в схематичности нижеизложенных построений, которые в то же время возникли отнюдь не на пустом месте, а на основе достаточно большого объема изученного фактического материала. Кроме того, необходимо отметить, что возможны и другие варианты периодизации и ее оснований.

возможным достижение любой прибрежной точки планеты (кроме полярных областей, что, впрочем, из-за их малого экономического значения в данном случае было непринципиально). Развитие судоходства и связанные с этим морские войны привели к установлению монополии нескольких европейских государств на посредничество в экономических контактах между удаленными друг от друга территориями.

Монополия на средства сообщения давала морским державам возможность осуществлять неэквивалентный обмен (то есть взаимный обмен товаров различной стоимости), являющийся источником богатства для их национальных экономик (вполне обоснованно в экономических учениях господствовавшего тогда меркантилизма основным источником национального богатства считалась международная торговля). Разница же в ценах на товары, как известно, особенно велика в странах, сообщение между которыми затруднено в силу естественных (расстояния) и социальных (например, господство на море ограниченного числа стран, установивших монополию торговли) причин¹⁴. Можно образно охарактеризовать произошедшее как образование связующих каналов между сосудами с очень разным уровнем жидкости, что обеспечило необходимый уровень давления для ее «естественного» перетока. Характерно, что уже в это время в вопросе о том, какой обмен можно считать эквивалентным проявляется заметный информационный аспект.

Продемонстрируем это на наглядном примере¹⁵. Предположим, что на побережье Гвинейского залива за одно зеркальце европейский торговец получает фунт золотого песка. В Европе, он, продав фунт золота, может приобрести 1000 зеркалац, стоимость 500 из которых покрывает издержки, а еще 500 - представляет собой чистую прибыль. На первый взгляд для африканского партнера такая сделка является экономически невыгодной. Однако, если представить, что у соседнего племени, не имеющего выхода к морю, за одно зеркальце можно получить 5 фунтов золотого песка, то уже не вызывает удивления, что приморский африканский торговец пребывает в полной уверенности: он совершил крайне выгодную сделку. Естественно, узнай он реальные цены на золото в Европе, он попробовал бы обеспечить

---

¹⁴ Нельзя сказать лучше, чем в русской пословице: «За морем телушка - полушка, да рубль - перевоз».

¹⁵ Конечно, современный ученый-экономист, не увидев трехэтажных математических формул, презрительно поморщится, но до определенного момента исследователи (например, Адам Смит и Карл Маркс) не брезговали наглядными жизненными примерами для пояснения своих мыслей.

себе более выгодные условия торговли, достижение которых представляется вполне вероятным, учитывая огромную прибыль на вложенный капитал, получаемую европейцем. Однако обязательным условием успешности этих попыток являлось бы существование конкуренции между европейскими купцами, позволяющей африканцу выбирать торгового партнера. Иными словами, для создания режима эквивалентного обмена («эквивалентного» с точки зрения стороннего, всезнающего, арифметически мыслящего наблюдателя)¹⁶ в данном случае нужны следующие предпосылки: наличие одинаковой информации у всех заинтересованных сторон, отсутствие монополии на необходимые для торговли технические средства (в нашем примере - суда).

Информационный аспект играет особую роль в тех случаях, когда обмен ведется на добровольной основе, в виде торговли. На первом этапе глобализации возможность вести торговлю носила условно-добровольный характер: все морские державы, хотя, как правило, и не стремились к установлению политического господства над территориями, экономические контакты с которыми являлись источником богатства¹⁷, однако в обязательном порядке создавали собственные торговые форпосты - фактории¹⁸, захватывали или уничтожали чужие, и пытались контролировать морские пути сообщения.

---

¹⁶ В одном из примечаний к своей работе «Протестантская этика и дух капитализма» Макс Вебер цитирует высказывание Антонина Флорентийского, предварительно охарактеризовав его как одного из крупнейших экономических мыслителей своего времени: «После тонкого анализа условий, оказывающих влияние на стоимость, он сделал заключение, что справедливость цены может быть в лучшем случае вопросом только «вероятности и догадки», так как она будет меняться вместе с местом, временем и лицами». Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 781. В некотором роде это экономическое проявление теории относительности.

¹⁷ Конечно, из этого правила были исключения, например, испанские колонии в Америке, которые эксплуатировались в основном с помощью насильственных методов принуждения. Однако, со временем американские колонии стали реально приносить богатство не столько самой Испании, еще сохранявшей политическое господство над ними, сколько другим странам, в первую очередь Англии, которой удалось в 1713 году согласно Утрехтскому миру добиться особых условий торговли с испанскими колониями в Америке. Среди промежуточных методов, обеспечивающих экономическую прибыль, было интригантство при дворах местных владык, а также создание систем вассальных и союзных княжеств.

¹⁸ Взглянув на карту побережий территорий, наиболее привлекательных для торговых операций той эпохи, можно обнаружить, что они были плотно усеяны факториями самых разных стран. Так, в конце

Второй: «Фабричное производство». В эпоху меркантилизма государство играло активную роль в экономике: высокие пошлины на ввоз, поощрение вывоза и использования для перевозок национального торгового флота¹⁹, все это превращало государство в важнейший фактор, влияющий на режим торговых операций.

Однако уже в конце XVIII века начался постепенный и очень непростой переход к фритрейдерству - режиму свободной международной торговли, не ограничиваемой какими-либо тарифными барьерами. Основной движущей силой в распространении фритрейдерства в XIX веке была Великобритания²⁰, чья экономика на базе фабричных технологий оказалась способной удовлетворить спрос на промышленные товары огромного числа потребителей, значительно превышавшего численность собственного населения. Эта возможность, если вспомнить наш образ сообщаемых сосудов, приводила к созданию избыточного давления, пути для канализации которого уже имелись и необходимо было лишь расчистить тарифные завалы. Заметим, что зарубежные покупатели были заинтересованы в получении британских товаров, как правило более дешевых и качественных чем товары собственного производства²¹. Именно

XVII века, на Золотом берегу (ныне - Гана) - полоске суши длиной около 500 км - существовали фактории Англии, Голландии (отнявшей ее незадолго у Португалии), Франции, Дании и даже Бранденбурга (Гросс-Фридрихсбург - первая значительная немецкая колония).

¹⁹ Например, «Продукт-плакат», шведский закон, принятый в 1724 году, запрещал вывоз шведских товаров на нешведских судах и ввоз в Швецию иностранными кораблями иных продуктов, кроме произведенных в их собственной стране. См.: Кан А.С. История скандинавских стран. М., 1980. С. 82.

²⁰ Великобритания была одной из немногих стран, которой длительное время - примерно с середины XIX в. до 30-х годов XX в. - удавалось обходиться без импортных пошлин. В большинстве остальных стран и групп стран режим фритрейдерства устанавливался лишь эпизодически. Попытки создать мировую систему свободной торговли осуществляются в наше время в рамках Всемирной торговой организации.

²¹ Понимая важность для английской экономики торговли с континентом и потерпев поражение в войне на море, Наполеон I попытался победить Англию, установив режим так называемой Континентальной блокады: всем странам, в той или иной степени зависимым от Франции, были запрещены какие-либо экономические контакты с англичанами.

в силу этой обоюдосторонней заинтересованности фритрейдерство получило определенное распространение.

Третий: «Колониальный раздел». Фритрейдерство означало одновременно, что ведущие экономические державы мира должны были быть уже не «перевозчицами», а «мастерскими». Трудовые теории стоимости теоретически обосновали это: источником богатства был объявлен труд человека. Впрочем, для успешного обогащения национальной экономики и здесь монополия была необходима, только уже не на мореплавание, а на технологии промышленного производства вещей. Во второй половине XIX в. Великобритания утратила монополию на массовое, фабричное производство товаров, более того, на это стали способны экономики сразу нескольких стран. Итогом отсутствия экономическо-технологической монополии стало стремление к установлению и сохранению неравномерностей с помощью проверенных политических ограничений.

Характер глобализации претерпел принципиальные изменения - к началу XX века завершился колониальный раздел мира. Основное отличие такого способа глобализации заключалось в том, что ведущие державы перешли к установлению прямого политического господства над «глобализируемыми» территориями²². Теперь процесс глобализации, и соответствующий результат, обеспечивались не только судами, регулярно курсировавшими по определенным маршрутам, не только производством товаров по ценам ниже чем в других странах и в количествах, существенно больших чем необходимо для собственного потребления, но и системой прямого управления подвластными территориями и установлением для торговли с ними разного рода ограничений.

Следует оговориться, что возросший уровень военной техники резко облегчил развитым странам колониальные захваты. Создавалось впечатление, что многие политические захваты были своего рода

Однако потребность в английских товарах (в первую очередь для нужд армии) привела к тому, что режим блокады секретно нарушался по указанию самого императора, вынужденно выступавшего, таким образом, в роли контрабандиста.

²² Надо заметить, что в отличие от российского читателя, которому на уроках истории рассказывалось об ужасах колониализма, на Западе до сих пор существуют (а в тот период господствовали) взгляды на колониальные захваты как на осуществление «цивилизаторской миссии белого человека».

самоцелью, порой не обусловленной никакими серьезными экономическими причинами²³, колонии приобретались «на всякий случай». Не получая серьезного отпора, Европа, образно говоря, распространялась «в вакуум». Это было настолько очевидно, что привело к созданию ряда теорий, интерпретирующих колониальные захваты с иррациональных позиций. Например, Освальд Шпенглер считал, что европейцы способны лишь к экстенсивному, количественному развитию вовне (своеобразное распространение концепции «Drang nach Osten» на все европейские нации; кстати, в свете массовых колониальных захватов вполне обоснованное)²⁴.

В этот период неэквивалентный обмен (в особенности, с недавно захваченными колониями) обеспечивался, в отличие от предыдущего и последующего этапов, преимущественно насильственными и насильственно-экономическими методами, в том числе прямым ограблением захватываемых территорий (например, разработкой месторождений полезных ископаемых без выплаты соответствующей ренты местному населению).

Четвертый: «Информационное измерение человечества». Период крушения колониальной системы и холодной войны можно охарактеризовать как промежуточный между третьим и четвертым этапами глобализации. Его своеобразие заключается в том, что противостояние между США и СССР, само по себе приобретшее глобальный характер (все страны должны были быть открытыми или скрытыми сторонниками одной из мировых держав), в то же время не носило по крайней мере ярко выраженной экономической подоплеки.

Отказ колониальных держав от прежних методов управления зависимыми территориями был вызван не только ростом самосознания населения последних, но и, как представляется, двумя другими причинами. Во-первых, население метрополий потеряло способность к поддержанию силового господства над другими народами, во-вторых, вновь обрели привлекательность другие, оказавшиеся вполне эффективными с чисто экономической точки зрения способы воздействия на заморские

---

²³ Это, например, захват Францией просторов Сахары.

²⁴ «Человек культуры направляет свою энергию во внутрь, человек цивилизации - во вне. ... Жизнь - это осуществление возможного, а для мозговика существуют лишь экстенсивные возможности». Spengler O. *Der Untergang des Abendlandes. Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte*. München. 1990. Band 1. S. 51.

территории - установление их экономической зависимости и взаимодействие с местными элитами.

Развитие информационных технологий во второй половине XX в. пришлось как нельзя кстати. К этому времени обнаружилось явные признаки невозможности дальнейшего роста потребления (и в меньшей степени - производства) традиционных материальных товаров, вещей. Традиционные отрасли экономики, например, автомобильная, в лучшем случае смогли перейти в режим стагнации, обеспеченный сменой потребителями автомобилей с определенной периодичностью. В то же время страны третьего мира начали проявлять способность к объединению и организации противодействия европейско-американскому миру²⁵.

Поэтому идея превращения информации в товар показалась многим выходом из тупика. «Производство» информации не связано с материальными, экологическими ограничениями. Какие информационные продукты потребляются и в каких количествах, определяется «духовными» запросами потребителей, которые можно сформировать нужным для производителей образом. Следовательно обязательной предпосылкой успешного сбыта информационных продуктов является американизация²⁶ культуры стран-потребителей. Этот процесс носит во многом лавинообразный характер, массовый потребитель, привыкнув к американским фильмам, другие смотреть уже не будет (если таковые вообще будут еще производиться), более того возникает мода на аксессуары, характер поведения киногероев, в общем все то, что именуется «американским образом жизни», экспорт которого прямо или косвенно приносит наибольшую прибыль. Как и на самом первом этапе глобализации, когда условием обмена стеклянных бус на золото, была

---

²⁵ Одним из первых ярких событий такого рода был нефтяной кризис 1973-74 годов, организованный арабскими нефтедобывающими странами в ответ на поддержку Западом Израиля.

²⁶ Почему «американизация»? Есть несколько причин, основная - в объемах «потребления». При прочих равных условиях «потребить» духовных изделий «американского» типа можно несравненно больше, чем других, в отношении которых термин «потребление» вообще может быть применен с определенной долей условности. К тому же вследствие другого уровня требований, которым должен отвечать средний потребитель американской духовной продукции, круг таких лиц существенно шире чем потребителей культурных ценностей иного происхождения. Конечно, в данном контексте понятие «американский» носит достаточно условный характер, и скорее является синонимом понятия «коммерческий» (то есть отвечающий требованиям максимально высокого сбыта по кругу лиц и объему индивидуального потребления).

уверенность («знание») африканского торговца, что он совершает выгодную сделку, так и на современном этапе необходима уверенность потребителей информационных продуктов в том, что они платят деньги за действительно жизненно важные для них предметы. Сбыт информационных продуктов облегчается и тем, что благодаря своей информационной природе, они являются носителями рекламы самих себя, обладая способностью стимулировать потребителей к соответствующим приобретениям.

Основная экономическая цель развитых стран на современном этапе глобализации заключается в том, чтобы заставить других взамен «информации» обеспечивать приток реальных, материальных благ, политическая - обеспечить необходимое влияние путем воздействия непосредственно на граждан государств, подлежащих контролю (о последнем подробнее во второй главе). В этих условиях, например, Интернет можно рассматривать как канал доставки информационного продукта потребителю и перевода денег в обратном направлении, а также как средство формирования необходимых настроений у населения²⁷.

Как уже было показано выше, предпосылками для роста товарообмена является избыток каких-либо товаров и каналы для перемещения этих товаров потребителям. В информационную эпоху создаются возможности производства «информационных товаров» в практически ничем неограниченных количествах, апофеозом чего является распространение информации по компьютерным сетям - новые экземпляры изделий (электронные копии) возникают как бы из ниоткуда и могут мгновенно перемещаться независимо от каких-либо географических ограничений. В итоге, само понятие «избыток» теряет свое значение, электронных товаров производится ровно столько, сколько необходимо для удовлетворения спроса, независимо от объема последнего. Таким образом, мы еще раз убеждаемся в том, что залогом экономического успеха как отдельных компаний, так и национальных экономик стран-глобализаторов является спрос на информационные продукты, предъявляемый потребителями, причем в первую очередь потребителями из глобализируемых стран.

---

²⁷ С последним, впрочем, все оказалось не так просто. Более того, спектр мнений, представленных в Интернете на вполне профессиональном уровне (не считая «личных» страничек) гораздо шире чем в институционализированных средствах массовой информации.

Выводы. На основании вышеизложенного можно сформулировать ряд обобщающих утверждений:

1) Все участники (государства; общества, не обладающие собственной государственностью) процессов глобализации делятся на ведущих (субъекты, «глобализаторы») и ведомых (объекты, «глобализируемые»); до последнего времени в роли глобализаторов всегда выступали страны европейского культурного круга²⁸; процессы глобализации, таким образом, всегда носят однонаправленный характер²⁹.

2) Обязательное условие каждого этапа глобализации - соответствующий уровень техники, позволяющей глобализировать все новые сферы жизни общества.

На основании этого можно дать одно из возможных определений понятия *глобализации*, это - **релятивация физических расстояний, устранение либо снижение их значимости как экономического, политического, социального фактора и замена новыми, базирующимися на новой технике.** На первом этапе важным (новым фактором) являлось господство на море, расширяющее возможности по перемещению товаров; на втором - их массовое фабричное производство; на третьем - военная мощь и колониальные захваты; на четвертом - борьба за духовные потребности потребителей информации.

3) В начале каждого нового этапа глобализации у определенного небольшого числа стран-глобализаторов существует монополия на технику, характерную для данного этапа глобализации. Исчезновение этой монополии каким-то образом связано с началом следующего этапа.

4) Движущей силой глобализации является стремление глобализаторов к неэквивалентному обмену. Соотношение добровольности и принудительности такого обмена в отношении глобализируемых различно, принуждение может принимать различные формы - от военного до идеологического³⁰.

---

²⁸ Хотя относить к их числу США можно с определенной долей условности. Место и роль Японии также требуют отдельного рассмотрения.

²⁹ Другое дело, что часто возникает обратная связь (FeedBack), порой носящая паразитный характер, например, наплыв в Европу нежелательных мигрантов из стран третьего мира. Напротив, завоз рабочей силы всячески поощряется.

³⁰ Оговоримся, что отправной посылкой данной статьи было признание необходимости интерпретировать процессы глобализации с позиций экономического детерминизма, наиболее привычных для отечественных исследователей. Существуют и другие объяснения

5) Обязательным условием глобализации является неравномерность развития какой-либо сферы в разных странах. Если эта неравномерность носит технический характер (монополия на технику, см. пункт 3)), то существует стремление к установлению свободы торговли, если технические неравномерности нивелируются, государства пытаются создать различия искусственно, как правило, с помощью необходимой для этого внешнеторговой политики.

Соответственно изменяется роль частных корпораций и государства. На первом и втором этапах, они действуют сообща, различить где заканчивается государственное воздействие и государственные интересы и начинается сфера корпораций, непросто³¹. На третьем этапе государство перехватывает инициативу³². На четвертом, уже частные компании в виде транснациональных корпораций, начинают играть ведущую роль.

б) Источником национального богатства является как труд собственных жителей, так и успешно осуществляемый экономический обмен с зарубежными экономическими партнерами (или, если оставаться на позициях трудовых теорий стоимости - труд жителей других стран, результаты которого обмениваются на результаты меньших трудовых усилий собственных жителей). Однако остается открытым вопрос об их соотношении, значимости. Об этом несколько подробнее.

Когда в начале XX века резко возрос уровень жизни широких народных масс европейских стран, некоторые наблюдатели считали это не столько результатом внутренних экономических процессов - роста производительности труда, снижения уровня эксплуатации, выразившегося

происходящего - взрывы пассионарности, всемирный заговор с целью принесения человечества в жертву Антихристу, etc.

³¹ Яркий пример такого ныне совершенно немыслимого сочетания интересов было каперство. Капер - частное лицо, на собственные средства снарядившее корабль для военных действий на морских коммуникациях противника. Капер получал специальное свидетельство - патент от государства, и не считался более пиратом, не становясь в то же время военным служащим управомочившей его страны. Каперство было запрещено Декларацией о морской войне в 1856 году.

³² Весьма символичным было упразднение в 1858 году английской Ост-Индской компании и объявление Индии британской колонией. Впрочем, и в период расцвета государственного колониализма, частные компании порой играли ведущую роль, например, американская «Юнайтед Фрут», фактически установившая в первой трети XX века свой протекторат над несколькими центрально-американскими государствами, в итоге чего и появилось понятие «банановые республики». Интересно, что первая в мире сеть радиовещательных станций также была создана в Карибском регионе «Юнайтед Фрут», а не каким-либо государством.

в том, что относительно большая часть прибавочного продукта стала распределяться в качестве зарплат, а скорее итогом удачной внешней политики.

Так, Освальд Шпенглер более чем откровенно писал об этом в начале 30-х годов следующее: «Зарплаты цветных - величины совсем иного порядка и иного происхождения чем белых. Они диктуются, а не требуются, держатся на низком уровне (здесь и далее разрядка автора. - А.Р.), если необходимо - и силой оружия. Это именуется колониальной политикой, а не реакцией или лишением пролетариата его прав, и, по меньшей мере, английский рабочий, после того как научился мыслить империалистически, был совершенно согласен с таким положением вещей. Маркс попытался замолчать в своем требовании выплаты «всей стоимости прибыли» в качестве зарплат тот факт, который бы он при большей честности должен был бы заметить и учесть: в прибыли промышленности развитых стран содержатся <заниженные> издержки получения тропического сырья - хлопка, каучука, металлов - а в последних - низкие зарплаты цветных рабочих. Завышенные зарплаты белых рабочих основываются и на заниженных зарплатах цветных»³³.

Французский экономист, социолог и футуролог Бертран де Жувенель в свое время показал, что западноевропейское общество само по себе вовсе не так богато, чтобы обеспечивать высокий уровень жизни всех своих членов лишь за счет перераспределения получаемых ими доходов: «Чтобы получить необходимый нижний уровень доходов, мы не можем довольствоваться лишь изъятием излишков у богатых, мы должны значительно задеть и доходы нижнего слоя средних классов. Максимальный чистый доход в 500 фунтов - это не то, о чем мечталось стороннику перераспределения, но это именно та величина, к которой мы

---

³³ Spengler O. Jahre der Entscheidung. München. 1933. S.121. Характерно, что эта фактически запрещенная при Гитлере книга считается ныне в Германии неким подобием нацистского манифеста (точнее одной из его составных частей). В то же время, позиция Шпенглера по поводу «политических зарплат» удивительным образом состыковывается с трактовкой понятия неокOLONIALИЗМА в советской пропаганде брежневской эпохи, хотя сам философ в это время был объявлен «одним из теоретических предшественников германского фашизма» (Статья из Философского словаря под ред. М.М.Розенталя). Все это подтверждает высказанный в начале данной работы тезис о глубокой политизированности и необъективности господствующих течений научного и философского понимания действительности.

пришли. Между прочим, наши расчеты выявили тот упускаемый из виду факт, что современный уровень перераспределения был бы невозможен, если бы по существу это было, как и представляется на поверхности, перераспределением от богатых к бедным; но оно оказывается возможным потому, что это в той же степени и горизонтальное, как и вертикальное перемещение доходов.

Результат этого анализа достаточно неожидан. Он наносит удар по широко распространенному мнению, что наши общества очень богаты и что их богатства просто неправильно распределены, - эта точка зрения была особенно популярна в тридцатые годы (когда ее вопреки господствующим взглядам опровергал О.Шпенглер.- А.Р.). На самом деле мы обнаружили, что те излишки, которые нам хотелось бы безжалостно изъять, - при этом полагая, что это никак не скажется на уровне производства, - совершенно недостаточны для того, чтобы поднять низкие доходы до желательного уровня...»³⁴.

Без неэквивалентного обмена с внешним миром описанное западное общество оказывается очень похожим на состояние СССР - «равенство в нищете». События лета-осени 2000 года в Европе, связанные с удорожанием нефти, блестяще подтвердили тезис о том, что социальное благосостояние развитых стран базируется на неэквивалентном обмене со странами-поставщиками сырья.

После того, как рост цен на нефть привел к повышению цен на продукты для конечных потребителей - бензин и топочный мазут - «неожиданно» выяснилось, что, например, в Германии в составе цены бензина, которую до этого момента платили потребители, около 70 проц. приходится на налоги, и лишь 30 проц. - на стоимость самого продукта³⁵.

---

³⁴ Де Жувенель Б. Этика перераспределения. М., 1995. С. 55.

³⁵ Приведем некоторые другие данные. Доля налогов в цене на дизельное топливо составляет: в Великобритании - 75 проц., Франции - 61 проц., Германии - 58 проц., Швеции - 56 проц., Португалии - 54 проц., Испании и Бельгии - 51 проц., Греции - 50 проц. Источник: EID.

Пример Великобритании действительно восхищает, в то время как мировые и внутренние цены на нефть в 1998 году упали, цены на моторное топливо в этой стране непрерывно росли в 1995-1999 годах [Волконский В.А., Кузовкин А.И. Так ли дешевы наши энергоносители? Внутренние рынки в значительной степени смягчают большие колебания мировых цен на нефть. Независимая газета. 2000. 7 октября]. После всего этого причисление России к числу стран с нерыночной экономикой кажется обоснованным лишь исключительно политическими причинами; экономика многих стран, политики которых определяют критерии «рыночности», еще менее отвечает традиционным представлениям о том,

Эти «бензиновые» (или «экологические») налоги шли в основном на финансирование немецкой пенсионной сферы.

Сохранить прежний уровень цен на топливо можно было бы несмотря на повышение цены на нефть, снизив размер налога, что правительства европейских стран делать наотрез отказались, предпочтя оказать скрытое и открытое политическое давление (вспомним Шпенглера - «колониальная политика» и советскую пропаганду - «неоколониализм») на страны-поставщики сырья, в первую очередь страны ОПЕК. К этому процессу были подключены Всемирная торговая организация, Мировой банк и Международный валютный фонд.

В принципе, нефтедобывающие страны попытались лишь восстановить справедливость и получать за производимый ими продукт относительно бóльшую часть цены, которую платит западный потребитель. Однако тем самым социальная сфера западных стран лишилась бы возможности паразитировать на эксплуатации чужих источников сырья.

Таким образом, можно предположить, что установление режима рыночной социально-ориентированной демократии с уровнем потребления, присущим Западной Европе и США (а иначе и стараться не стоит), возможно лишь в стране-глобализаторе и только за счет других стран.

Вообще, в ходе дискуссий, ведущихся в Европе по поводу последнего нефтяного кризиса, стало гораздо очевиднее из каких источников финансируется благосостояние местного населения. Причем, не стоит удивляться, что, например, «зеленые» в Германии выступили по сути за проведение самой что ни на есть колониально-империалистической политики, отстаивая финансирование высоких (немецких) пенсий за счет налогов на продукты из дешевой (иностранной) нефти. Впрочем переход от леворадикальных воззрений к консервативно-охранительным вообще характерен для политической жизни и карьеры многих видных общественных деятелей³⁶. Обратное развитие встречается несравненно реже.

что это такое.

³⁶ Достаточно вспомнить российского народника Л.А.Тихомирова, ставшего видным теоретиком монархизма, и Хорста Малера, участника существовавших в начале 70-х годов леворадикальных немецких организаций, вроде RAF, и выражающего сейчас националистические взгляды. Впрочем, как мы знаем, национализм и социализм могут неплохо сочетаться на практике.

В то же время, в совсем ином свете предстает уровень жизни, достигнутый в бывшем СССР³⁷, так как несмотря на то что:

а) советская экономика не только не подпитывалась из-за рубежа, но напротив, была источником такой подпитки,

б) масштабы «зарытых в землю», впустую растроченных материальных ресурсов были весьма велики,

материальные условия жизни были сравнимы со среднеразвитой страной Южной Европы (где, как уже было показано выше, доля налогов в стоимости нефтепродуктов ниже чем у северных соседей). Скорее всего потому что:

а) экономика несмотря на всю ее затратность, работала относительно эффективно (синергетический эффект большой системы компенсировал массовое разбазаривание ресурсов на местах),

б) не считая относительно немногочисленной номенклатуры (отрыв в уровне потребления которой от основной массы был все равно существенно ниже чем у современного состоятельного класса) материальные блага действительно распределялись сравнительно равномерно.

Важным является и то, что режим неэквивалентного обмена с другими странами представляет собой по сути перераспределение не только различных экономических благ, но и власти.

«Чем больше мы углубляемся в этот вопрос, тем яснее становится, что сутью перераспределения является не столько перераспределение доходов от богатых к бедным, сколько перераспределение власти от индивидов к государству (курсив мой. - А.Р.)»³⁸, - такую характеристику Б. де Жувенель дал перераспределению внутри отдельно взятой национальной экономики и политической системы. Представляется, что такую оценку можно экстраполировать и на межгосударственные отношения, которые по этой и другим причинам постепенно перестают быть таковыми.

Последние заявления политиков неплохо иллюстрируют это. Так, во время «встречи тысячелетия», организованной ООН осенью 2000 года, при обсуждении необходимости оказать помощь развивающимся, в первую

---

³⁷ Миф о массовой, беспробудной нищете в современной России небезуспешно пытается развеять В.А.Тишков, директор Института этнологии и антропологии РАН, в статье «Готовы ли мы к переписи населения?» Независимая газета. 2000. 10 октября. Текст этой во многом противоречивой статьи также доступен на сайте издания по адресу http://www.ng.ru/ideas/2000-10-10/8_ready.html

³⁸ Де Жувенель Б. Этика перераспределения. М., 1995. С. 114.

очередь, африканским странам, канцлер Германии Герхард Шредер (социал-демократ!) предложил распределить бедные страны между богатыми, которые будут оказывать такую помощь только или преимущественно своим подшефным³⁹. Называя вещи своими именами, речь идет об очередном переделе сфер влияния, который необходимо каким-то образом формализовать (почему возникла необходимость в такой формализации сам по себе весьма интересный вопрос).

Нет никаких оснований предполагать, что создание «всемирного общества всеобщего благоденствия» не будет точно также означать (еще большее) перераспределение власти, как это уже произошло внутри отдельных государств, на этот раз от тех, «кому помогают», тем, «кто помогает».

7) Отдельно отметим важную роль навязывания глобализируемым глобализаторами представлений последних о должном и единственно допустимом⁴⁰: на первом этапе это была в основном миссионерская деятельность - христианизация (особенно испанцами, но не только; язычник - недочеловек); на втором - приобщение к материальным ценностям, фабричным товарам (человек, не носящий европейской одежды, - недочеловек); на третьем - приобщение к светским культурным ценностям европейской цивилизации - например, введение европейской системы

---

³⁹ См.: Frankfurter Allgemeine Zeitung. 9. September 2000.

⁴⁰ Европейских нацистов (радикальных, социалистически окрашенных расистов старой закалки) и демократов объединяет идеологический тоталитаризм, отсутствие внутренней способности к самоограничению, господство подхода «либо ты такой как мы, либо мы тебя уничтожим/перевоспитаем». Этим они отличаются от сторонников культурного плюрализма: «Существует столько видов морали сколько и культур, не больше и не меньше. ... Отдельный человек может поступать морально или аморально, творить «добро» или «зло», выражая исключительно прачувство своей культуры, теория же его поступков просто дана. Каждая культура имеет для этого свой собственный масштаб, чье действие начинается и завершается вместе с ней. Общечеловеческой морали не существует». Spengler O. *Der Untergang des Abendlandes. Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte*. Band 1. S. 439-440.

«...современный европеец всюду рассматривает чужие судьбы сквозь призму понятий конституция, парламент, демократия, несмотря на то, что применение таких представлений к другим культурам смешно и бессмысленно... То что (западно)европейская культура уничтожила в своих колониях проведением реформ по своему образу и подобию, уже не воссоздать...». Spengler O. *Op. cit.* Band 2. S. 954-955.

Многочисленные факты далеко не всегда положительного влияния развитых стран на традиционные общества в области права приведены в: Рулан Н. *Юридическая антропология*. М., 1999.

образования (безграмотный человек - недочеловек); на четвертом - распространение прав человека в американо-европейском понимании⁴¹ и массовой культуры (отсутствие прав и свобод не дает личности развиваться должным образом, то есть опять-таки, если не следовать рецептам глобализаторов, мы получаем недочеловека; кроме этого официального направления воздействия, есть и неофициальное, возможно даже более действенное, - недочеловек тот, кто не слушает рок и не танцует хип-хоп). Два направления ценностной экспансии на четвертом этапе глобализации отнюдь не случайны и прекрасно дополняют друг друга: в современном обществе права и свободы человека важны не сами по себе, а поскольку они дают возможность наслаждаться материальными благами цивилизации и продуктами массовой культуры.

Остается только удивляться, насколько удачно элитам ведущих мировых держав на каждом из этапов удавалось сочетать культурную («культуртрегерскую») миссию со своими экономическими интересами.

г) Государство и нация

В современном мире существуют две, на первый взгляд, противоположные тенденции. С одной стороны, происходит очередной этап отчуждения политических и экономических полномочий отдельных государств и их обобществления на более высоком уровне, с другой - можно постоянно наблюдать всплески национализма, сепаратизма и, правда, реже - изоляционизма.

Массу ярких и наглядных примеров этого дает Западная Европа. В рамках первой тенденции здесь происходит размывание понятия гражданства (споры о введении двойного гражданства в Германии⁴²; допуск иностранцев к выборам в местные органы власти; вообще, унификация всего и вся в рамках «Единой Европы», например, фракции в Европейском парламенте формируются не по национальному, а по политическому принципу, планируется введение общеевропейских

---

⁴¹ Впрочем, фактические различия в содержательной трактовке единого каталога прав и свобод между США и Западной Европой настолько велики, что говорить об их универсальном характере не приходится даже в рамках евро-американского мира.

⁴² Довольно непривычно звучит новояз «der Deutsche afrikanischer Abstammung» - «немец африканского происхождения»; естественно под «немцем» в данном случае подразумевается гражданин Федеративной Республики Германии, хотя еще совсем недавно, этот термин обозначал и этническую принадлежность.

избирательных списков и др.), в рамках второй - в состоянии (полу)распада находятся все многонациональные государства - Бельгия, Югославия, Чехословакия, Великобритания. Для в остальном кашеобразного состояния народных масс западноевропейских стран противостояние валлонов и фламандцев в Бельгии, протестантов и католиков в Северной Ирландии, терроризм басков и корсиканцев, национализм жителей севера Италии представляют собой явления, которые нельзя игнорировать или объявлять всего лишь нетипичными исключениями из правил.

Впрочем, все становится на свои места, если учесть, что западноевропейские страны представляют собой государства-нации. Достаточно подробно, несмотря на небольшой объем работы, процесс исторического становления понятия государства-нации в Европе был рассмотрен в статье Н.Н. Деева «Из истории происхождения и взаимосвязи понятий и терминов «государство» и «нация»⁴³.

Так, автор названной работы характеризует государство кроме всего прочего как «этносоциальный организм»:

«Государство и этничность сопрягаются постольку, поскольку этничность относится к социальной структуре и сознанию общества, а государство является его политической формой и публично-властной управляющей системой. Публичная власть, помимо своих прочих сущностных характеристик, всегда является носителем социально-культурных ценностей **определенного «несущего» этноса или межэтнического союза** (жирный шрифт мой. - А.Р.) . В этом смысле всякое государство этнично, т.е. является носителем определенных социально-культурных ценностей»⁴⁴.

В свою очередь одной из характеристик этнических общностей, народов является их политическое обособление:

«Формирование самостоятельных политических сообществ-государств создавало предпосылки для понимания *nationes* как народов или групп населения, представляющих собой определенную политико-территориальную **всесословную коллективность с общим этнокультурным сознанием *элит*** (жирный шрифт и курсив мой. - А.Р.)»⁴⁵.

---

⁴³ Опубликовано в: Становление конституционного государства в посттоталитарной России. Вып. 2 / Отв. ред. В.А. Четвернин. - М., 1998. С. 192-220.

⁴⁴ Деев Н.Н. Указ. соч. С. 199.

⁴⁵ Там же. С. 202.

В то же время понятия национальное государство и политическая нация обозначают отнюдь не совпадающие явления:

«Но не следует смешивать «политические нации» Нового времени с суверенными государствами, сформировавшимися тогда же. Первые - феномен социально-культурный, это социально-политические коллективы с общим этнокультурным сознанием. Вторые - это чисто политические структуры, хотя, разумеется, с социальным, включая этнокультурное, содержанием»⁴⁶.

Историческое развитие государств-наций получило отражение в теории государства. Так, В.А.Четвернин излагает следующим образом изменения в традиционной «теории трех элементов»⁴⁷, оговариваясь, что под современной общей теорией государства имеется в виду та ее версия, которая сложилась в Западной Европе после второй мировой войны.

Отныне место понятия «народ (население) государства» занял народ, как этническая общность в смысле права наций на политическое самоопределение: «... любой этнос, осознающий себя в качестве нации (в общей теории государства используется довольно сложная методика идентификации этнической общности в качестве нации (курсив мой, представляется, что выделенное замечание сделано автором вовсе не зря - А.Р.))⁴⁸, вправе создавать свою суверенную организацию публичной политической власти... Не может быть никаких юридических аргументов против политического самоопределения любой, даже самой малочисленной нации. Единственная оговорка состоит в том, что не должны нарушаться

---

⁴⁶ Там же. С. 205.

⁴⁷ Эти три элемента, считавшиеся ранее необходимыми для существования государства: народ (население) государства, государственная территория, государственная власть. См. подробнее: Четвернин В.А. Демократическое конституционное государство: введение в теорию. М., 1993. С. 8-9.

⁴⁸ Вообще возникает вопрос: «Начинает ли себя этнос осознавать в качестве нации после того как ученые-государствоведы, применив сложную методику, определяют, что он - этнос - уже не просто этнос, а нация, и имеет право самоопределяться, либо после того, как этнос самоопределился, ученые-государствоведы начинают подгонять свою сложную методику под полученный результат?» Поэтому не стоит удивляться сложности методики: если имеет место первый вариант, то ее сложностью можно, например, оправдать несбывшиеся прогнозы ученых-государствоведов; если второй - то она должна учитывать все возможные зигзаги политического развития, которые объективно не могут быть описаны с помощью каких-либо формул.

права человека и права других наций, проживающих вместе с коренной нацией»⁴⁹.

Произошли изменения и в понятии «государственная территория», отныне «Это не просто территория в признанных границах государства (международное признание границ вторично), а страна, географическая область, с которой исторически связана нация как субъект права на политическое определение. Эта территория является для нации родиной, и право на родину первично по отношению к любым факторам, определяющим конкретные границы той территории, на которой происходит политическое самоопределение нации»⁵⁰.

Естественным образом возникает вопрос, что такое «политически самоопределившаяся нация». Наблюдения за национально-территориальным размежеванием⁵¹ на пространствах Западной Европы после Первой Мировой войны и до нашего времени дает единственно возможный ответ: это такая группа населения, в отношении которой, неким политическим силам (внутренними и/или внешним) удалось добиться создания собственной политической организации власти, той или иной формы государственности или полугосударственности, либо принадлежности тому или иному уже существующему государству.

Собственно национально-этнические критерии становятся предметом политических манипуляций. Таким образом, можно попеременно считать эльзасцев немцами или французами; сербо-хорватов, исповедующих ислам, выделять в особую нацию, как и британцев, говорящих на шотландском диалекте английского языка. На свет появляются совершенно новые народы, например, франкоговорящие не-французы - то есть валлоны⁵². Другие нации, такие как бельгийцы, в свою очередь исчезают, доказав искусственность своего создания, либо слабость политических сил, которые были заинтересованы в их существовании, что в данном случае одно и то же. Одна и та же нация, разбежавшись по нескольким государствам, разделяется: наряду с немцами появляются австрийцы. Возможно не за

---

⁴⁹ Четвернин В.А. Указ. соч. С. 9.

⁵⁰ Четвернин В.А. Там же.

⁵¹ Подобным термином именовалось перекраивание административной карты советской Центральной Азии в 20-е годы. Представляется, что это не случайное сходство, между национальной политикой в бывшем СССР и Западной Европе существует немало общего.

⁵² Есть еще швейцарцы, но уникальность этой страны заключается в том, что она, возможно, является исключением из излагаемых здесь концепций.

горами момент, когда вместо итальянцев будут существовать лишь паданийцы⁵³, римляне и неаполитанцы («итальянцы» останутся лишь в «Little Italy» - «Маленькой Италии» в Нью-Йорке).

В общем-то складывается достаточно четкая картина: типичное парламентское европейское государство - государство-нация, построенное по принципу 1 страна - 1 народ. Распад немногих многонациональных европейских государств это в очередной раз подтвердил, а сам процесс такого распада вкупе с описанными выше изменениями в теории государства может расцениваться как апофеоз, высшая точка развития западноевропейской модели демократии⁵⁴.

Категоричность некоторых высказываний кажется теперь вполне обоснованной: «...все современные европейские демократии формировались как национальные. Иного способа не национального формирования демократического либерального государства в Европе нет. Существует два варианта: либо этатическая империя, либо национально-либеральное государство, где самоидентификация происходит не по кровному признаку, а по единству культурно-исторической судьбы»⁵⁵.

Уже не вызывает удивления, почему государствам, построенным на иных принципах, не удалось стать полноценными демократиями в европейском понимании (в первую очередь - это страны Африки, Азии, отчасти Латинской Америки) - в них отсутствует та самая системообразующая, мононациональная основа. Возможно, единственное

---

⁵³ «Падания» - название государства, за создание которого на территории северной части Италии выступает Лига Севера, партия довольно популярная в этом регионе.

⁵⁴ Точнее апофеоз наступил после Первой мировой войны, когда одна «тюрьма народов» - Австро-Венгрия распалась, от другой - Российской империи - отсоединились Польша, Финляндия и прибалтийские территории, а судьбы некоторых других областей, например, Шлезвиг-Гольштейна, были решены в ходе плебисцитов, редкий случай, когда народам дали возможность самостоятельно решить вопрос о государственной принадлежности территорий, на которых они проживают. **В наше время вследствие притока эмигрантов европейские страны вновь стремительно превращаются в «тюрьмы народов» (азиатских и африканских).**

⁵⁵ Пахоленко Н.Б. Из истории российского либерализма и конституционных проектов в России, в: Становление конституционного государства в посттоталитарной России. Вып. 2 / Отв. ред. В.А. Четвернин. - М., 1998. С. 185-186.

исключение представляют США, о чем подробнее будет сказано чуть ниже.

Вместе с тем возникает ряд вопросов: является ли демократия типично европейским феноменом, феноменом европейской культуры? Возможна ли она лишь в рамках мононационального государств? Если мононациональные государства исчезнут, какие изменения претерпит существующие ныне формы европейской демократии?⁵⁶

Именно последнее происходит в настоящее время в Западной Европе. Снижение рождаемости значительно ниже уровня, обеспечивающего воспроизводство населения, привело к невозможности удерживать на границах европейских стран массы переселенцев из стран третьего мира. В итоге, население европейских демократий утрачивает свой монолитный характер, а вместе с этим исчезает и предпосылка/причина, приведшая к установлению демократических режимов правления. Остается лишь уточнить поставленный выше вопрос: если исчезнет причина, сохранятся ли ее последствия? Ответ скорее всего отрицательный⁵⁷.

---

⁵⁶ Можно иначе сформулировать вопрос: «Является ли государство культурным явлением либо государство - это надстройка (или часть надстройки) над экономическим базисом, и все прекрасно объясняется в рамках теорий экономического детерминизма?» В последнем случае культурно-национальные аспекты нас совершенно не должны интересовать. Чтобы определиться с выбором необходимо решить для себя, что первично, культурно-этическое или утилитарно-экономическое мышление и поведение, или, грубо говоря, выбрать между учениями Макса Вебера, с одной стороны, и Карла Маркса - Фридриха Энгельса и присоединяемого к ним в России В.И.Ульянова(Ленина), с другой. Можно, конечно, не выбирать, а соединить, но добиться успехов в создании такого гибрида можно только на бумаге. С высокой степенью уверенности можно утверждать, что в практической жизни (в жизни масс, из массового правила всегда есть исключения!) рано или поздно побеждает что-то одно - либо духовность либо материальность.

⁵⁷ Кроме этого, можно утверждать, что исчезают и некоторые другие причины, возможно приведшие в свое время к появлению государства. Например, происходит многоплановое перерождение характера частной собственности. Если встать на представляющую вполне разумной позицию, выраженную в классической работе Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», то исчезновение семьи и частной собственности не могут не затронуть сущность государства вплоть до его фактической ликвидации и замены иными способами организации общества.

В связи с этим перед правящими элитами⁵⁸ европейских стран встает проблема сохранения относительного статус-кво. Возможными представляются два варианта:

1) использование эмигрантов в качестве «свежей крови», позволяющей поддерживать численность населения и его возрастную структуру на необходимом уровне; обязательным условием этого является культурная интеграция пришлого компонента; однако приток иноземцев происходит настолько быстро и в столь больших масштабах, что они не успевают ассимилироваться, более того, не теряют связи со своей исторической родиной, образуя национально-религиозные диаспоры (об этом подробнее в пункте «д» этой главы).

2) отказаться от государства-нации, перейти от политически самоуправляющейся нации (каковая вообще исчезнет) к управляемому населению пестрого этнического состава, удовлетворяемого и умиротворяемого «хлебом и зрелищами». В некотором роде будет повторен путь Античного Рима от республики к империи⁵⁹.

Стремительное построение мощной бюрократической машины Европейского Сообщества свидетельствует об избрании второго пути. Процесс принятия решений в евроорганах непрозрачен, происходит вне

---

⁵⁸ Здесь необходимо уточнить, что мы понимаем, употребляя термин «элита». Это вовсе не обязательно некое «материализованное», «физически существующее социальное тело», например, группа людей, лично друг с другом знакомых и желающих непременно добиться какого-то результата. Скорее речь идет об определенной логике развития, вольно или невольно понуждаемой этими людьми, действующими именно так, а не иначе, и неизбежно приводящей к вполне предсказуемым результатам. Мы отдаем отчет, что это похоже на фатализм, но иные интерпретации происходящего представляются менее удачными.

⁵⁹ Как ни странно, но в контексте всего вышеизложенного органично звучат слова Освальда Шпенглера: «Для меня понятие «народ» означает *единство души* (курсив автора. - А.Р.). ...»

Не может быть какого-либо иного содержания слова народ. Не являются решающими ни единство языка, ни единство физического происхождения. То что отличает народ от населения, что выделяет первое из последнего и вновь позволяет раствориться в нем, во все времена - это внутреннее сопереживание «Мы». Чем глубже это чувство, тем сильнее жизненная сила союза. Существуют разные формы народов: энергичные, вялые, скоротечные, несокрушимые. Они могут менять языки, расы, имена и территории; но пока существует их душа, они объединяют в себе людей самого разного происхождения и преобразуют их. Имя «римляне» обозначает во времена Ганнибала народ, ко времени Траяна - лишь только население». Spengler O. *Der Untergang des Abendlandes. Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte*. Band 1. S. 754-755.

традиционных парламентских процедур (Европарламент имеет в основном совещательные функции), но появившиеся таким образом документы обязательны для национальных, «всенародно избранных» (почему в кавычках, подробнее во второй главе) парламентов. Кроме того, как показал пример Австрии, попытка целого государства-нации отклониться от генеральной линии, прокладываемой общеевропейской анациональной элитой, может привести к применению мер, считающихся по западно-европейским меркам весьма жесткими⁶⁰.

Можно предположить, что примером для европейских политиков служат Соединенные Штаты Америки, полиэтническая страна, с демократическими традициями (в этом свете термин «Соединенные Штаты Европы» приобретает несколько иной оттенок). Однако, и в США все достаточно непросто. Хотя, с одной стороны, на территории страны относительно мирно сосуществуют представители самых разных народов⁶¹, культур и религий, с другой стороны, периодически, и как бы неожиданно, вспыхивающие массовые беспорядки на этнической основе, свидетельствуют, что все не так идеально, как порой представляется.

К тому же, сложившаяся в США социально-политическая система формировалась в условиях господства определенной культурно-этнической общности, образованной переселенцами из европейских стран. Быстрое изменение национального состава США в пользу выходцев из Латинской Америки и некоторых стран Азии, массовый переход негритянского населения в мусульманскую веру, способны нарушить сложившийся баланс.

---

⁶⁰ Имеется в виду вхождение в состав австрийского правительства в феврале 2000 года Австрийской партии свободы (АПС; политические позиции АПС характеризуются как правопопулистские либо праворадикальные), набравшей на выборах 26,91 проц. голосов избирателей, и ставшей, таким образом, второй политической силой страны. В ответ на это Евросоюз применил к Австрии санкции, запретив любые контакты на официальном уровне с австрийскими представителями, например, их участие в работе органов Европейского Сообщества. Одновременно с этим была развернута мощная кампания в лучших традициях геббельсовско-агитпроповской пропаганды (например, участились публичные упоминания, что «Гитлер был австрийцем»). В сентябре 2000 года санкции были отменены. Поставленной цели - устранить представителей АПС из правительства, добиться не удалось.

⁶¹ Этносов, а не наций! Поэтому США - полиэтническое государство, а не многонациональное.

д) От вертикального устройства мира к горизонтальному

Постиндустриальный мир постепенно становится многослойным: вертикально проведенные границы, отделяющие одно государство от другого, теряют свое значение. Напротив, приобретает особую значимость принадлежность человека к одному из горизонтальных слоев, образуемых:

- 1) в экономике - транснациональными корпорациями,
  - 2) в политико-правовой сфере партиями, едиными стандартами прав человека,
- и вообще, трансграничными элитами в самом широком смысле.

Транснациональные корпорации действительно становятся таковыми. Например, компания «Сименс» - это уже скорее не немецкая компания, с предприятиями и рынками сбыта за рубежом, а своего рода экономическая империя, с собственными интересами, не обязательно совпадающими с интересами Германии, и с делопроизводством не на немецком, а на английском языке - «лингва-франка» современной эпохи. Понятие корпоративной культуры - это уже не просто красивый оборот, применяемый отделами по работе с общественным мнением, а термин, обозначающий явление, сравнимое с культурой национальной. В этой связи символично создание в крупных компаниях собственных учебных заведений, в том числе так называемых корпоративных университетов, в европейско-американской культуре именно университеты являлись одними из основных носителей традиций⁶².

Весьма показательна с этой точки зрения тотальная приватизация инфраструктуры - предприятий связи, энергетики, транспорта - и либерализация, открытие для зарубежных конкурентов соответствующих рынков - транспортных услуг, связи, энергии. До последнего времени почти повсеместно⁶³ предприятия инфраструктуры считались не столько коммерческими компаниями, сколько организациями, отвечающими за жизнеобеспечение соответствующей страны, что являлось задачей государства. По этой логике эти предприятия, как правило, входили в состав либо государственных концернов, во многом организованных на

---

⁶² Процесс получил свое логическое завершение: появилось понятие «корпоративной религии». См. подробнее: Kunde J. *Corporate Religion: Building a Strong Company Through Personality and Corporate Soul*. London, 2000. '**corporate religion** is a set of **values** which unite the organization around the **mission** and **vision**.'

⁶³ Исключение составляли США, но и там длительное время в области дальней связи официально допускалась монополия одной компании - Эй-ти-энд-ти (AT&T).

министерский манер, либо непосредственно в структуру органов государственного управления - министерств (транспорта, почты, связи, энергетики и др.).

Отказ со стороны государства от непосредственного контроля за сферой жизнеобеспечения страны, по сути означает отказ от части государственного суверенитета⁶⁴. Важным представляется то, что отчуждение этого суверенитета происходит не в пользу других государств, а в пользу неких межнациональных, коммерческих образований, тех самых транснациональных корпораций. Вовсе не зря в процессах приватизации допускается участие компаний - собственных и иностранных, в которых доля государственного участия не превышает определенного, как правило, весьма небольшого процента. Таким образом, государственный суверенитет (точнее его определенные компоненты, проявления) не перераспределяется, а вообще исчезает, перестает быть таковым.

В связи с уменьшением роли государства, как непосредственного участника экономических отношений, интернационализацией характера частных компаний, либерализацией рынков происходит стирание грани между понятиями «международный рынок» и «внутренний рынок». В перспективе все общепланетарное экономическое пространство может стать единым «внутренним» рынком. Одним из последствий этого будет исчезновение фактора государственного регулирования внешней торговли, по крайней мере, ее тарифной разновидности. Насколько успешной будет борьба с разного рода нетарифными ограничениями (к таковым относятся, например, особо строгие и запутанные процедуры стандартизации и сертификации) покажет время. Естественно, на переходном этапе от вертикально к горизонтально устроенному экономическому пространству существует немало проблем, так, например, попытки отдельных государств воздействовать в соответствии с собственными интересами и собственным законодательством на транснациональные компании, справедливо сталкиваются с непониманием других стран⁶⁵.

---

⁶⁴ Под суверенитетом в данном случае мы понимаем монополию государства на осуществление тех или иных видов деятельности, например, содержание вооруженных сил, денежную эмиссию и др. Точнее будет сказать, что по их наличию можно судить о том, насколько суверенно то или иное государство.

⁶⁵ Когда летом 2000 года американские власти предъявили претензии к системе международных расчетов VISA, это было встречено с озабоченностью представителями банковско-финансовых кругов других стран, в том числе России. Попутно заметим, что взаимоотношения между истинными ТНК и отдельными государствами носят иной характер, чем

В тоже время превращение международного рынка во внутренний потребует соответствующих изменений в правовом регулировании. В частности, международное право (не только частное, но и публичное в части регулирования экономических отношений, а может быть и не только) должно стать действительно правом. До сих пор многие ученые и мыслители по разным причинам подвергали и подвергают сомнению правовую природу международного права⁶⁶.

В связи с этим возникает множество вопросов - на каких принципах будет основываться новое, «мировое» право, что будет считаться его источником, как будет обеспечиваться его обязательная сила и т.д.

В политической сфере образование горизонтальных слоев носит в меньшей степени институциональный, и в большей - нормативно-регулятивный характер, основную роль здесь играет придание обязательной силы универсальным политико-правовым стандартам, в первую очередь правам и свободам человека в их американско-европейском понимании (хотя оно и очень различно в США и в Европе).

Говоря о третьем элементе, необходимом для существования государства - «государственной власти», постулируется, что она, чтобы признаваться в качестве таковой, должна быть ограничена правами человека. При этом не скрывается что «общая теория государства показывает, что отнюдь не все ценности западной цивилизации вообще и

между компаниями определенной страны и иностранными государствами, на территории которых такие компании действуют.

⁶⁶ Например, позитивисты: «Но международное сообщество организовано на иных правовых началах чем государство. «Право» этого сообщества не обеспечивается распорядительными и гарантирующими полномочиями центральной власти. Оно не имеет никаких возможностей по своей реализации и обеспечению, надежность которых хотя бы приближается к уровню внутригосударственного права. Вследствии этого международное <публичное> право является гарантированным правом в ином смысле чем внутригосударственное». Zippelius R. Einführung in das Recht. München. 1974. S. 26.

Обоснование «неправовой» природы права вообще и международного права в особенности, с точки зрения требований справедливости, можно найти у Освальда Шпенглера: «В наиболее неприкрытом виде право как выражение силы выступает, как было сказано, в межгосударственных правоустановлениях, в мирных договорах и в том международном праве, о котором уже Мирабо говорил, что это есть право сильного, чье соблюдение возлагается на бессильного. ... Если политика есть война иными средствами, то «право на право» есть добыча победившей стороны». Spengler O. Der Untergang des Abendlandes. Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte. Band 2. S. 1011.

западной демократии в частности, признанные мировым сообществом в качестве естественных прав человека, являются абсолютными ввиду многообразия культурных традиций в странах мира и что уже поэтому государство как институция в разных странах и культурах более или менее существенно отклоняется от западных стандартов соблюдения прав человека и демократии»⁶⁷.

Кроме повсеместного внедрения прав человека происходит унификация всего слоя сколько-нибудь значимого национального законодательства, например, в рамках Европейского Сообщества или Всемирной торговой организации.

Вместе со стиранием нормативных различий создаются транснациональные политико-правовые организации. Ярким примером являются Европейские Сообщества и Евросоюз. Как уже упоминалось выше, фракции в Европарламенте образуются не по национально-территориальному принципу, а в соответствии с политическими позициями депутатов. В ближайшем будущем планируется избрание части депутатов Европарламента на основании общеевропейских избирательных списков. Тем самым будет сделан шаг в направлении образования европейского избирательного корпуса и, в определенной степени, ликвидирована фрагментированность выборов в этот представительный орган. Благодаря введению общеевропейских избирательных списков должен быть проведен в жизнь один из принципов европейского права, в соответствии с которым депутаты Европейского парламента являются представителями всех народов, населяющих территорию Европейского Сообщества, а не только страны, от которой они были избраны⁶⁸.

На внутреннюю жизнь отдельных государств все более активное влияние пытаются оказывать международные организации самого разного толка. Это не только традиционные гуманитарные, например, «Красный крест», но и относительно молодые, не скрывающие своей политической направленности, например, «Эмнести Интернешнл», «Гринпис» и др. Граждане отдельных стран, ставшие членами одной из таких организаций,

---

⁶⁷ Четвернин В.А. Указ. соч. С. 9-10.

Естественно возникает вопрос, что же это за «мировое сообщество», признание которого чего-либо, распространяется не на все страны мира (а если быть совсем точными, то распространяется на абсолютное меньшинство стран и населяющей их части человечества, так называемый «золотой миллиард»).

⁶⁸ См.: Арнольд Р. Право Европейского Сообщества. В печати.

или активно принимающие участие в ее деятельности, чувствуют себя причастными скорее не национальным, а «общепланетарным» ценностям в интерпретации конкретной политической структуры.

Вообще внимательный наблюдатель может заметить признаки перемещения центров влияния на наднациональный уровень и образования некоей мировой элиты. Порой создается впечатление, что, например, участники экономических форумов в Давосе осознают себя не столько представителями, посланцами рекрутировавших их организаций (государств, компаний), сколько членами единого клуба, в рамках участия в котором они должны решить общие для всех них (но вовсе не обязательно для тех, кого они формально представляют) проблемы.

Процесс консолидации затронул не только элиту. Можно говорить о том, что образуются слои населения, проживающие в разных странах (Европе, США, России, Индии, Китае и т.д.), со сравнимым жизненным уровнем, в том числе в области защиты прав индивидуума. Нечто подобное было всегда, но сейчас благодаря образованию унифицированных рабочих сред (в транснациональных корпорациях), постоянному информационному обмену (средства массовой информации, Интернет), возможностям массового туризма, численный состав этих слоев резко увеличивается, в них вовлекаются все большая доля населения отдельных стран, а, главное, условия жизни членов этих транснациональных общностей подвергаются постоянному взаимному выравниванию, что превращает их в действительно гомогенные среды.

Естественно для каждого такого слоя существуют свои собственные универсальные стандарты и представления о должном и регулярном, иными словами о том, что составляет существенную часть «образа жизни». Для одних - это ежегодный отдых во Флориде, для других - на дешевых средиземноморских курортах, для третьих - всего лишь фаст-фуд. В любом случае происходит стирание в первую очередь культурных, но также и этнических, языковых и прочих различий. **Почему-то этот процесс принято иногда называть образованием мультикультурного общества, хотя то, что появляется на самом деле представляет собой иерархизированное по уровню достатка совершенно монокультурное на каждом отдельном уровне сообщество⁶⁹.**

---

⁶⁹ Учитывая это, можно ожидать действительно принципиальных изменений в сущности человека, так как «Человеческое существование отмечено культурным разнообразием, поскольку чтобы выковать свою сущность, человек должен творить различие (курсив автора. - А.Р.)» [Рулан

Феномен трансграничных общностей не является абсолютно новым явлением⁷⁰. Так, например, уже в древности существовали диаспоры. По признаку характера ценностей, лежащих в основе образования горизонтальных социальных общностей, последние могут быть разделены на:

1) традиционные - образующиеся на этнической и/или религиозной основе (диаспоры); это, например, евреи, китайцы, и даже, может быть, русские в бывших союзных республиках СССР;

2) «космополитские» - образующиеся на основе некоей вновь созданной, синтетической культуры.

«Космополитские» и традиционные горизонтальные образования (диаспоры) базируются на принципиально разных ценностных основаниях, кроме того, последний тип сообществ в силу своего горизонтального принципа организации объективно обречен на антагонизм с вертикальными структурами, например, государствами, в особенности государствами-нациями. По этой причине, элиты европейских государств (пока еще государств) и, возможно, США, очевидно поставившие перед собой цель слить управляемые ими территории и народы в единое вертикально стратифицированное пространство, одинаково заинтересованы в исчезновении этнических общностей, как диаспор, так и компактно проживающих народов.

Н. Юридическая антропология. М., 1999. С. 8.] Для сознания характерно выделение человека из окружающего его мира - «Я» и «Не-Я», то же самое справедливо и для коллективного сознания «Мы» и «Не-Мы», если критерии этого разделения принципиально изменятся либо исчезнут вовсе, то можно будет говорить и об исчезновении коллективного сознания либо, как минимум, одной из его важнейших компонент.

⁷⁰ «То что ирландец женится в Византии на негритянке, если оба они христиане, не встречает никаких препятствий, но как возможна в одной и той же сирийской деревне женитьба христианина-монофизита на несторианке? Допустим, они оба происходили из одного и того же рода, однако принадлежали к двум различным по праву «нациям».

Это *арабское* (здесь и далее курсив автора; арабской или магической культурой Освальд Шпенглер именует не культуру арабов, а культуру, появившуюся где-то на исходе античности в районе Восточного Средиземноморья - Передней Азии. - А.Р.) понятие нации является новым и абсолютно решающим фактором. Граница между родиной и чужбиной пролегла в аполлонновской (т.е. античной. - А.Р.) культуре между любыми двумя городами, в магической - *между любыми двумя религиозными общинами*». Spengler O. Der Untergang des Abendlandes. Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte. München. 1990. Band 2. S. 636-637.

Исторически первые «космополитские» общности образовались в эпоху эллинизма, когда произошло создание весьма своеобразной греко-автохтонной эллинистической культуры, слившей воедино элементы самого разного происхождения. Для эллинистического общества была характерна послойная стратификация - чем выше материальное и политическое положение определенного слоя, тем больше влияние греческой компоненты, чем ниже - тем больше автохтонной.

Как было сказано выше, в наше время такие сообщества образуются в первую очередь на базе общих стандартов потребления (Флорида и фаст-фуд, но и права и свободы, которые более не осуществляются, а именно потребляются⁷¹; свобода нужна не сама по себе, а лишь постольку поскольку она сопровождается возможностью потребления, и обеспечивает такую возможность)⁷².

Одна из первых попыток в новое время создать транснациональную общность людей - мировой пролетариат - была предпринята коммунистами под лозунгами пролетарского интернационализма, причем, здесь сочетались как традиционные, религиозные элементы (учения «пророков» - классиков марксизма и позднее ленинизма), так и новые, «космополитские» (классовая борьба, всеобщее обобществление)⁷³. Впоследствии, когда аппетиты умерились была проведена попытка создать другую общность - советский народ. Насколько успешным будет создание

---

⁷¹ Весьма нагляден пример ГДР. В то время как в сфере «чистой» идеологии между западными и восточными немцами существуют довольно-таки большие различия, опросы показывают, что последние в качестве потребителей в основном удовлетворены своим положением. Также полезно вспомнить, что сразу после объединения жители бывшей ГДР вышли в мировые лидеры по потреблению бананов на душу населения, в то время как их политическая активность оставляла желать лучшего. Население восточно-европейских государств восстало против коммунистических режимов в том числе под лозунгами свободы и независимости этих стран от влияния СССР, теперь же их правительства готовы пойти на серьезное ущемление государственного суверенитета ради вступления в члены Европейского сообщества и НАТО.

⁷² Было бы интересно исследовать связь между характером потребления (по качеству и количеству) и взглядами, которых придерживаются однородные группы потребителей. Одинаковое потребление влияет каким-то образом на схожесть взглядов, устремлений людей, хотя допустимо и обратное, если схожи взгляды, то существует и стремление к одному и тому же типу потребления.

⁷³ Впрочем, провести различие не всегда возможно, та же классовая борьба может расцениваться как марксистское воплощение религиозной идеи вечной борьбы добра и зла.

«мультикультурного общества политической корректности»⁷⁴ покажет время.

***

---

⁷⁴ И здесь не обходится без религиозной компоненты - «политической корректности», предлагаемое рациональное обоснование которой не выдерживает критики, и в истинность которой можно только верить; неверующие, в свою очередь, записываются в «еретики». Как всякая религия, она должна держать в узде массы, вызывая в них священный трепет, и способствуя тем самым установлению вполне определенного социального порядка.

Глава 2. Трансформация власти

а) Медиатизация политики

В качестве одной из характерных черт, присущих политическим процессам в наше время, принято называть большую, порой ведущую роль средств массовой информации, в особенности телевидения⁷⁵. Часто это обозначают понятием «медиатизация политики».

Не ставя под сомнение данное утверждение, заметим, что само по себе это явление не ново. Вообще с точки зрения *характера информационного взаимодействия между властью и народом и самоорганизации самого народа* можно выделить 4 этапа в развитии способов *формирования и опосредования народной воли* в государствах, претендующих на звание демократических.

Первый: «Демократия толпы». На ранних этапах, когда территория государства и численность его населения позволяла непосредственное общение между гражданами (типичными примерами являются древнегреческие полисы⁷⁶ и средневековые города-республики), информационный обмен происходил «вживую» непосредственно между представителями и представляемыми, и между сами гражданами. Важнейшие государственные решения принимались толпой, собравшейся на городской площади. Как стало известно науке в XIX-XX веках (о чем, впрочем, знали уже многие политики и мыслители древности; отсюда уничижительное отношение к правлению народа-толпы - «охлократии») толпа существует и действует по особым, присущим ей законам⁷⁷. Успешно воздействующие на массу трибунные ораторы способны заставить принять ее практически любое решение.

В это время объективно не существовало особой необходимости в создании специальных политических структур, граждане жили на

---

⁷⁵ См., например: Засурский И.И. Масс-медиа второй республики. М., 1999.

⁷⁶ «Харизматический политик - „Демагог“ - представляет собой продукт Западного города-государства. В городе-государстве Иерусалиме он выступал лишь под маской религиозности, как пророк; конституционный строй Афин, напротив, после нововведений Перикла и Эфиалта был полностью подогнан под его - демагога - существование, в отсутствие чего государственная машина не смогла бы проработать ни одного мгновения». Weber M. Die drei reinen Typen der legitimen Herrschaft, in: Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. Tübingen, 1968. S. 483.

⁷⁷ Изучением этих законов занимается входящая в состав коллективной или социальной психологии психология масс, одним из основоположников которой был автор нескольких заслуживающих внимания трудов по данной проблеме Гюстав Ле Бон.

компактной территории, общение между ними носило постоянный и непосредственный характер. Необходимости в каких-либо посредниках (как партиях, так и средствах массовой информации, не было; роль последних часто играл городской рынок).

Стабильность в обществе находилось под постоянной угрозой появления очередного удачливого демагога⁷⁸, способного своими речами повести людей в совершенно непредсказуемом направлении.

Второй: «Газетная (газетно-партийная) демократия». Возникновение в Западной Европе парламентской системы привело к созданию оптимального сочетания между участием народа в государственной власти и его отделением от непосредственного процесса принятия решений. Избиратели выбирали депутатов, которые потом, в своем кругу выработывали решения. Закрытый от посторонних взглядов характер парламентских заседаний устранил большинство объективных причин для лицедействования, или, по крайней мере, для наиболее грубых, рассчитанных на профанов, форм такового. Следовательно, появились дополнительные предпосылки для выработки более качественных решений.

Парламент формировался по округам, жители которых могли достаточно хорошо знать друг друга, но не избирателей из других округов. Следовательно, для достижения успеха на национальных выборах необходимы были какие-то информационные инструменты национального же масштаба. Ими стали национальные газеты и партии, обеспечивающие единое информационное пространство страны.

Роль партий следует выделить особенно. Разветвленная партийная структура с партиячками на местах единообразно доносила до избирателей на всей территории страны позицию, выработанную партийным руководством (возможности воздействия рядовых членов партии на решения верхушки в рамках «партийной демократии» были неодинаковы в различных партиях). Победа партии была результатом слаженной работы всех ее членов, центрального руководства, аппарата, рядовых активистов. Субъекты политической деятельности носили, в значительной степени, коллективный характер, причем состояли из наиболее сознательных членов общества, что обеспечивало стабильность и предсказуемость поведения таких коллективов. Одному или нескольким лицам с «нетрадиционными» воззрениями было непросто повести за собой

---

⁷⁸ Пример Савонаролы далеко не единственен.

всю партию, а без ее участия добиться серьезных успехов было невозможно.

То, что это были коллективы единомышленников (что не исключало противоречий в разумных масштабах; если противоречия выходили за пределы последних, то происходил раскол, образовывались новые партии, в которых эти масштабы соблюдались), обеспечивало, в свою очередь, оперативность в принятии решений и эффективность их реализации.

В развитии газетно-партийной демократии можно выделить несколько периодов, в зависимости от состава избирательного корпуса. Во время существования различных цензов (особенно имущественного, но и других, например, оседлости) к выборам допускались лишь наиболее образованные представители населения, как правило те, «кому было что терять», и которые хотя бы по этой причине отличались в основной своей массе большей осторожностью и продуманностью в принятии решений. В дальнейшем круг избирателей расширился, и в конце концов стал включать в себя все взрослое население страны, последние резервы были исчерпаны снижением избирательного возраста «ниже низшего»⁷⁹.

Отныне огромную роль стал играть средний уровень развития населения, который также был неодинаков за время существования всеобщего избирательного права. Вначале уровень образованности основной массы избирателей (в первую очередь, конечно же тех, кто только что приобрел избирательное право - представителей малоимущих слоев населения) был весьма низок, что, в значительной степени компенсировалось высокой социальной и политической активностью, обусловленной борьбой за свои материальные интересы. Люди не очень много знали, но интуитивно понимали, какие решения отразятся на их материальном состоянии положительно, а какие - отрицательно.

В дальнейшем, в том числе благодаря борьбе масс за свои права и обусловленному этим росту материального благополучия, произошел резкий подъем среднего образовательного уровня. Именно этот период, когда избиратели были образованы и еще не утратили политической активности, а время господства электронных средств массовой информации не наступило, можно охарактеризовать как *золотое время парламентской демократии*. Эта эпоха наступила, по всей видимости,

---

⁷⁹ Характерно, что снижение избирательного возраста пришлось как раз на ту эпоху, когда молодежь в развитых странах стала «задерживаться» в своем развитии, откладывая на более поздние сроки по сравнению с предыдущими поколениями вступление во «взрослую» жизнь.

где-то в первой четверти двадцатого века и завершилась к началу-середине 60-х годов.

Третий: «Теледемократия». В последующее время нарастала аполитичность широких слоев населения. Стимулы для участия в политической жизни были утрачены по причине отсутствия необходимости в борьбе за повышение материального благосостояния, а других оснований, не связанных с потребительскими интересами, не оказалось⁸⁰. Относительно высокий уровень образования превратился в своего рода пустую, бессодержательную форму⁸¹. Это совпало с изменениями в системах массовой информации.

В «бумажный» период газеты были важным фактором политической борьбы, хотя их роль оценивалась по-разному⁸². Сообразуясь со своей

---

⁸⁰ «Бархатные» («банановые») революции в восточно-европейских странах имели материально-потребительские основания и представляли собой последние проявления поступательной демократизации в Европе.

⁸¹ В середине прошлого века Алексис де Токвиль, в частности, заметил по поводу обитателей общества всеобщего благоденствия, обеспеченного государством (а чем еще оно может быть обеспечено?): «Гении редки, но знания становятся все доступнее». Цит. по: Варламова Н.В. Социальное государство в постсоветской России: розовая мечта или жесткая реальность? в: Становление конституционного государства в посттоталитарной России. Вып. 2 / Отв. ред. В.А. Четвернин. - М., 1998. С. 80.

Параллели с периодом поздней античности, несколько раз приведенные выше, не кажутся случайными. Историки отмечают широкое распространение склонности философствовать по любым поводам среди народных масс при полном выхолащивании сути философии: «При римлянах философия буквально выходит на улицы египетских городов. Бродячие философы - киники поучают зевак. Лощеные риторы услаждают аудиторию смесью всех доктрин. Наступило время массового дилетантизма - и в поэзии (отставные солдаты пишут стишки и высекают их на камне), и особенно в «любомудрии»...

Во всей Империи развилось широкое культурное движение - вторая софистика... Она вульгаризировала Платона и Аристотеля, наплодила общие места, штампы, ходячие истины. В риторизованном виде философия стала доступна широким слоям. Точнее, сами эти слои сделали риторику способом повседневного философствования, критического восприятия жизни». История древнего мира/ Под ред. И.М. Дьяконова., В.Д. Нероновой, И.С. Свенцицкой. Изд. 3-е, исправл. и доп., М., 1989. [Кн.3] Упадок древних обществ/ Отв. ред. В.Д. Неронова. С. 86.

⁸² «Здесь (в Великобритании - А.Р.) в течение 18 века посредством денег оказывалось планомерное влияние вначале на парламентские выборы, а затем и на решения нижней палаты парламента, и здесь одновременно с идеалом свободы прессы был также открыт тот факт, что пресса служит тому, кому она принадлежит. Она не распространяет, а изготавливает «свободное мнение». Spengler O. Der Untergang des

социальной ролью, газеты содержали большое количество материалов, которые должны были подвинуть людей к определенным поступкам, например, проголосовать на выборах за кандидата определенной политической ориентации. Этот выбор должен был носить рациональный, осознанный характер. В соответствии с этим основное содержание газет составляли тексты, которые надо было читать, причем читать вдумчиво.

После построения обществ всеобщего благоденствия, необходимость в этом отпала, интерес читателей, обладающих высоким уровнем жизни (не добившихся его, а получивших в качестве «наследства» от предыдущих поколений), к материалам на серьезные политические и вообще социально-значимые темы резко снизился, пропал накал политических страстей, а следовательно, исчез заказ на «свободное мнение». Появилась конкуренция со стороны телевидения. Печатные СМИ должны были резко переориентироваться, приспособившись к новым предпочтениям потребителей их продукции. Этот период можно охарактеризовать как наступление господства телевидения и «качественной желтой прессы», на смену газете-тексту, пришла газета-картинка (бумажный аналог телевизионного экрана)⁸³.

Abendlandes. Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte. Band 2. S. 1063.

Как известно, видный практик захватов власти, В. И. Ленин отводил газете весьма почетную роль «коллективного агитатора и организатора».

⁸³ Как гласит один из законов Мерфи: Smile! Tomorrow will be worse! (Улыбайтесь! Завтра станет хуже!)

Постоянно и отнюдь не случайно цитируемый в данной работе Освальд Шпенглер написал в начале 20-х годов XX века следующее о засилье политической прессы:

«Демократия с помощью газеты целиком вытеснила книгу из духовной жизни народных масс (здесь и далее курсив автора. - А.Р.). Книжный мир со своим богатством точек зрения, понуждающий мышление к выбору и критике, остался действительно доступен лишь ограниченному кругу. Народ читает некую «свою» газету, которая каждый день проникает миллионами экземпляров во все дома, с раннего утра околдовывает души своими чарами, своими приложениями отправляет в небытие книги, и если в поле зрения все-таки попадает нечто иное, отключает его влияние с помощью упреждающей критики». Spengler O. Der Untergang des Abendlandes. Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte. Band 2. S. 1139.

Теперь *свою* газету читает лишь ограниченный круг, а народ, в лучшем случае пролистывает цветные картинки. Читатель «Франкфуртер альгемайне цайтунг» и ее приложений по праву считается интеллектуалом высшего пошиба.

Вообще судьбы *качественной прессы, предназначенной для чтения,*

Если раньше газеты хотя бы «изготавливали» общественное мнение, то теперь очень трудно подобрать термин, которым можно обозначить результат воздействия массовой прессы и телевидения на получателей информации. Можно говорить об изменении смысла свободы слова. Если ранее это понималось как свобода излагать взгляды, что-то действительно означающие (правильные или нет - другой вопрос, вопрос практической политики, политических пристрастий), то теперь свобода слова - это

прекрасно отражают общее состояние культуры той или иной страны. Так если в Германии еще остались подобные издания (хотя 630 тыс. субботний тираж «Франкфуртер альгемайне цайтунг» не идет ни в какое сравнение с 2,5 млн. тиражом «Бильд ам Зоннтаг»), то в Великобритании - нет. Судьба лондонской «Таймс», превратившейся из утреннего чтения британских джентельменов в полужелтый листок, весьма характерна. Газетный ландшафт Британии настолько примитивен, что роль серьезной национальной (и не только национальной) газеты пытается играть экономическая «Файненшл Таймс», а также недавно созданные издания без давних глубоких традиций, вроде «Индепендент». Характерно и исчезновение качественной прессы в России (несмотря на массу слов о ее создании, возрождении и т.д.).

Интересен феномен «качественной желтой прессы» - это не чисто порнографические издания, а такие, которые считают возможным и «могут» изложить суть самых сложных социальных явлений в двух абзацах простых предложений и одной наглядной картинке. Получая такую информацию, основная масса граждан делает необходимый выбор с твердой уверенностью в своем понимании актуальных проблем.

По отношению к прессе можно судить о характере изменений, происходящих в обществе. До появления газет процесс получения информации совпадал с повседневной деятельностью - покупками на рынке, посещением корчмы; это было рационально с точки зрения временных затрат и вполне удовлетворяло информационные и духовные запросы людей. Появление газет было обусловлено потребностью в том, что люди не могли получить в обыденном общении: в первых газетах печатались иностранные новости и официальные сообщения.

Вообще газеты возникают тогда, когда

а) регулярно необходима информация об отдаленных событиях;

б) возникает эстетическая потребность в более изысканной чем это возможно в повседневном общении с себе подобными подаче информации о местных событиях, что свидетельствует об утончении нравов, процессе до определенной степени приводящем к положительным последствиям, но способном в один прекрасный момент вызвать крах общества (как это может выглядеть на практике описал Томас Манн в романе «Будденброки»). Кроме потребности появляется и время для чтения газет. *Напротив:* когда газеты перестают читать, это означает как потерю интереса, внутренней потребности, так и времени. Если до этого развитие шло по нарастающей, появлялся досуг, его можно было заполнять все более интеллектуальными занятиями, то отныне процесс пошел в обратном направлении. В связи с этим интересно получить ответ на вопрос: чем же реально заполняется досуг жителя современного общества? И если он?

условие «производства информации» в неограниченных количествах. На первый план выступает товарная характеристика информации. Современный информационный поток - это даже не «промывание мозгов» с целью достижения определенного результата (возможно, по причине исчезновения необходимости в этом - промывать уже нечего), это исключительно товарно-рыночное явление.

Рост производства бессмысленной информации затрудняет демократически организованное социальное управление. Исчезает или искажается донельзя информационная связь между властью и гражданами, между самими гражданами, последние лишаются сведений, необходимых для рационально обоснованных решений (на выборах, референдумах, в ходе опросов общественного мнения). Коммерциализация средств массовой информации привела к резкому возрастанию разнообразия информации, точнее «информации», читателей и зрителей уже трудно удивить чем-либо. В условиях обилия сообщений о летающих тарелках, оживших мертвецах, продажности всех политиков до единого, у общественности вырабатывается стойкий иммунитет на новости, своего рода информационная оскомина⁸⁴. Чтобы добиться ухода продажного политика в отставку, необходимо уже не просто сделать информацию о его неблагоприятном поведении достоянием общественности, а развернуть целую

---

⁸⁴ Говоря в терминологии теорий передачи информации, уровень шума стал настолько высок, что выделить полезный сигнал оказывается практически невозможно. В один прекрасный момент это может иметь действительно фатальные последствия. Так, в немецкой прессе дали следующую остроумную характеристику информационной истерии по поводу угрозы фашизма в Австрии, развернутой после образования национального правительства с участием Австрийской партии свободы. Когда выяснилось, что партия Йорга Хайдера - все-таки не «право-радикальная», а «право-популистская» (то есть *использует популярные в народе лозунги, но реально к радикальным изменениям не стремится*), возникли параллели с известной и у нас сказкой про пастушка, который от скуки, чтобы развлечься, кричал «Волки!», после чего каждый раз на его крики прибегали жители деревни, а когда волки действительно пришли, то на его крики никто не откликнулся, посчитав это очередной шуткой. Волки его и съели.

В связи с этим в свете возрастания популярности националистических лозунгов одной из важнейших задач европейской политологии и практической политики стала выработка критериев, на основании которых можно провести границу между *правыми радикалами* (с которыми положено бороться любыми способами, в том числе правовыми запретами и уголовными наказаниями) и *правыми популистами* (которых положено воспринимать в качестве неизбежного, пусть и неприятного элемента политического ландшафта).

медиа-компанию, скорее всего преимущественно на телевидении (в противовес которой наверняка будет развернута другая), и которая вовсе не обязательно приведет к ожидаемому результату.

Одной из причин принципиальных изменений роли средств массовой информации оказалось распространение телевидения⁸⁵. Телевизионная передача - это в первую очередь картинка, образ, объем передаваемой информации (и в кибернетическом и в социальном смыслах) минимален, а воздействие - максимально. Причем профессионально сделанное телевизионное изображение приводит к подсознательному восприятию изображаемого на экране как происходящего в реальности⁸⁶.

Именно телевидению принадлежит наиболее существенный вклад в медиатизацию политики, о чем говорилось в начале этой главы. На выборах скорее победит не партия, предложившая лучшую программу (которые все равно никто не читает), а партия, чей лидер лучше всех смотрится на телевизионных экранах. Предвыборные компании в развитых странах давно превратились в телевизионные медиа-шоу. Избиратели делают свой выбор не на основании рациональных представлений, а «по наитию», возникшему под воздействием телевизионных образов.

---

⁸⁵ Точнее было бы сказать, что телевидение появилось как нельзя вовремя и прекрасно отвечало изменяющимся в этот период запросам масс.

⁸⁶ Отнюдь не зря на Западе с большим уважением относятся к мастеру политической пропаганды С. М. Эйзенштейну, которого мы позволим себе процитировать: «В нашем фильме «Октябрь» мы врезали в сцену речей меньшевиков арфы и балалайки. И арфы эти были не арфами, но образным обозначением медоточивых речей. Балалайки были не балалайками, но образом надоедливой треньканьи этих пустых речей... И ставя рядом меньшевика и арфу, меньшевика и балалайку, мы раздвигали рамки параллельного монтажа в новое качество, в новую область: из сферы действия в сферу смысла». Цит. по: Телевизионная журналистика/Редколлегия: Г.В. Кузнецов, В.Л. Цвик, А.Я. Юровский. М., 1998. С. 123.

Вполне обоснованно В.И. Ленин считал важнейшим из искусств для большевиков (в более широком смысле - для любой правящей элиты) кино.

Из интервью российского киносценариста В. И. Мережко: «Кино - это не только культура и искусство, кино - это еще идеология. Мы живем сейчас по американской идеологии во многом благодаря кино. Лучшие законы, лучший президент, лучшая страна, лучшие полицейские, лучшие женщины - это нам преподносит Америка... В свое время, при советском режиме, была иллюзия великого государства благодаря кинематографу. Причем американцы идут по нашей схеме. У них только положительный герой, только хеппи-энд. Государство должно заниматься идеологией и духовностью своего народа... При этом идеологическая цензура должна быть исключена, а моральная и нравственная всячески поддержана». Приложение к Независимой газете «Субботник НГ». 2000. 23 сентября.

Это приводит к серьезным изменениям в сущности политических институтов. Во-первых, резко возрастает роль первого лица партии, лидерство которого приобретает харизматический характер, без этого выиграть выборы оказывается совершенно невозможным. Так, не партия консерваторов проиграла партии лейбористов, а «серый» Мейджор проиграл «яркому» Блэйру, в Австрии успехов добился Йорг Хайдер, политик безусловно харизматического типа, в США давным-давно побеждают не демократы или республиканцы, а лицо и манера вести себя на публике одного из двух индивидумов, предложенных в качестве кандидата на президентских выборах⁸⁷. Во-вторых, в тех странах, где еще сохранилась мажоритарная система, ее суть выхолащивается, качества отдельных кандидатов, выдвигающихся в избирательных округах, все более теряют свое значение, все больше вклад лидера партии в успех каждого отдельного кандидата и всей партии целиком.

В итоге, как в странах с пропорциональной избирательной системой, так и в странах с мажоритарной, снижается значение отдельных кандидатов при выборах, а значит и депутатов - в работе. Вообще, вся партийная машина постепенно превращается в чиновничий аппарат, обслуживающий лидера. Разветвленная и эффективно работающая партийная структура уже не является необходимым условием победы на выборах. Конечно, в разных странах и разных партиях эти метаморфозы принимают неодинаковые масштабы, но тенденция прослеживается достаточно четко.

Партийная политика во все большей степени зависит от настроений первого лица партии⁸⁸ (чье лицо действительно в самом буквальном смысле играет большую роль). Причем это особенно заметно у правящих партий, добившихся успеха именно благодаря наличию харизматического

---

⁸⁷ Справедливости ради заметим, что характер американских партий всегда отличался от хрестоматийных представлений о партийной структуре, сложившихся под влиянием европейского опыта.

⁸⁸ В своей работе, посвященной анализу изменений французской политической системы, Дирк Задра пришел к следующему выводу: «Из деградации партий в объединения по поддержке амбиций кандидатов в президенты вытекает их - партий - недостаточная автономия и сила». Zadra D. Der Wandel des französischen Parteiensystems. Die „präsidentiablen“ in der V. Republik. Opladen 1997. S. 142. Австрийский официоз, газета Wiener Zeitung, в своей рецензии на эту книгу указала на справедливость не только для Франции утверждения автора о том, что «центральной фигурой французской партии является личность, обладающая лидерскими качествами, которая пользуется партией, а не служит ей». Wiener Zeitung. 1998. 23. Juli.

лидера. В то же время в оппозиционных партиях, проигравших выборы из-за отсутствия сильной и популярной личности, уровень внутрипартийной демократии выше, как и уровень допустимого плюрализма мнений, до тех пор пока такая личность не будет найдена.

В свою очередь, допуск телевидения на заседания в парламент превратил последние в выступления перед массовой аудиторией со всеми присущими таким выступлениям атрибутами - демагогией, необоснованными нападками на оппонентов и т.д.

Учитывая все вышеизложенное можно говорить о том, что **«теледемократия» представляет собой харизматический тип правления с использованием новых технических возможностей.** Роль партий, как коллективных субъектов политической деятельности, посредников между народом и властью, канализирующих и опосредующих народную волю, резко падает. Возрастает роль отдельной личности, лидера партии, возможности влияния на него уходят в тень, приобретают в основном «закулисный» характер. Вследствии этого политика приобретает более закрытый, непредсказуемый, волюнтаристский характер⁸⁹.

---

⁸⁹ Скажем, резкое ускорение темпов и углубление европейской интеграции, особенно в политической сфере, до сих пор не получило внятных объяснений своей необходимости, если не считать таковыми магические заклинания о строительстве «Единой Европы». Публичные доводы в пользу многих интеграционных мер, например, введения общеевропейской валюты, полностью опровергнуты практикой - резкое падение курса евро летом-осенью 2000 года произошло вопреки обещаниям всех видных европейских политиков и экономистов. Никакой политической ответственности никто за это не несет, никаких выводов, по крайней мере публично, не делается. Дело дошло до перепалок анекдотического характера: в сентябре 2000 года президент Федерального банка Германии Эрнст Вельтеке объявил в качестве причины падения евро кампанию за отмену экологического налога на нефтепродукты, которую вели ХДС и ХСС. В ответ лидер ХСС, премьер-министр Баварии Эдмунд Штойбер обвинил главу немецкого национального банка в экономической безграмотности и потребовал его отставки.

В качестве еще одной типичной иллюстрации можно привести выдержку из заметки, опубликованной в газете «Франкфуртер алльгемайне цайтунг»: «Последнее проявление слабости евро (в феврале 2001 года. - А.Р.) по отношению к доллару застало врасплох большинство аналитиков. Действительно, после благоприятных данных о конъюнктуре в Германии и роста озабоченности состоянием конъюнктуры в Америке впредь рассчитывали на укрепление евровалюты. После произошедшего отныне предлагается ряд объяснений, почему евро упало ниже отметки 0,92 доллара. Эти аргументы отходят от фиксации на различных темпах роста в Америке и Европе, которые до сих пор служили основным объяснением происходящего на валютном рынке...». Frankfurter Allgemeine Zeitung. 2001.

Четвертый: «Сетевая демократия»⁹⁰. Прежде чем перейти к описанию четвертого этапа необходимо заметить, что каждый последующий этап не означает исчезновения форм политических коммуникаций, господствовавших в предыдущий период. Они теряют свою ведущую роль, но сохраняются. Так и в периоды «газетной» и «теледемократии» непосредственное общение между гражданами играло определенную роль, а на четвертом этапе возникают объективные социально-технические предпосылки возрождения непосредственной самоорганизации масс на новом уровне.

Компьютерные сети дают новые возможности для самоорганизации как общества в целом, так и отдельных социальных групп при отстаивании их интересов. Благодаря компьютерным сетям, в первую очередь Интернету, но не только, возникает новое пространство общения людей. Причем сети построены весьма эффективно и демократично, здесь возможно как индивидуальное общение (каждый с каждым), так и коллективное - например, в форме электронных конференций. Техническая возможность общения при наличии общих интересов является обязательным условием самоорганизации социума. Члены общества вновь общаются непосредственно, они не нуждаются в посредниках, связывающих общество воедино, в виде партий или газет⁹¹.

Не следует принижать и значение формы представления информации в компьютерных сетях: электронные конференции и электронная почта буквально возродили практически скончавшийся эпистолярный жанр. Чтение текстов и их составление объективно способствуют более логическому осмыслению действительности. Кстати, этим непосредственное общение людей при сетевой демократии принципиально отличается от трибунной демократии первого этапа. Сияние харизмы политического

---

10. Februar. Следующие за этим три разные объяснения очередного падения евро имеют общим то, что виноваты в этом «окружающие обстоятельства»: Япония, нефтедоллары, ситуация на Ближнем Востоке. Сомнения в возможной порочности евро-конструкции отсутствуют.

⁹⁰ Автору не удалось избежать соблазна использовать понятие «сеть», ставшее столь модным при описании социальных явлений современности.

⁹¹ В этой связи можно вспомнить состоявшуюся в Москве демонстрацию московских завсегдатаев Интернета и участников некоммерческой компьютерной сети ФИДО, протестовавших против планов введения в столице повременной оплаты за телефонные услуги. Это было, вне всякого сомнения, самоорганизованное мероприятие, а не инициированное некими «антимосковскими» силами - может быть один из немногих случаев подобного рода. Введение повременки после этого (и, скорее всего, вследствие этого) отложили.

лидера меркнет в компьютерных сетях, где вообще преобладает весьма критическое (часто критиканское) отношение к традиционным авторитетам.

Конечно, не стоит романтизировать Интернет, наиболее посещаемые ресурсы здесь - порнографические сайты и сборники анекдотов - ничем не отличаются по своему характеру от источников «информации», пользующихся наивысшим спросом в несетевом мире. Но все-таки, в условиях, когда традиционные средства массовой информации - газеты и телевидение - показали на что они способны, компьютерные сети могут предотвратить дальнейшую харизматизацию и медиатизацию⁹² политики.

Поэтому попытки под любыми благовидными предлогами (отчасти политического, отчасти морального характера) ограничить свободу выражения мнений в Интернете, регулярно предпринимаемые в Европе, США, и как ни странно, в меньшей степени, в России, являются особенно опасными. **Поставить содержимое Интернета в зависимость от представлений действующих политиков о том, что такое «хорошо» и что такое «плохо», означает лишить демократию, может быть, последнего шанса сохранить свою сущность и *внутреннюю*, принципиальную способность к изменению направления развития общества⁹³.**

---

⁹² Пришло время определиться с понятием «медитизация», несколько раз использованным в схожих, но все-таки неодинаковых контекстах. Конечно, это процесс увеличения влияния, возрастания роли массовой информации и распространяющих ее институтов; причем эти институты - до начала четвертого этапа почти исключительно средства массовой информации - часто противопоставляют себя обществу, по крайней мере, его значительной части, и распространяемая ими массовая информация носит совсем иную ценностную окраску чем информация, обмен которой происходит при непосредственном общении людей. На четвертом, сетевом этапе медиатизация общества достигает логического завершения, институциональные СМИ теряют свою монополию. Почти как по Гегелю происходит снятие противоречия между СМИ и гражданами, любой из которых получает реальную возможность самостоятельно издавать свою собственную электронную газету. Поэтому можно говорить о *негативных последствиях медиатизации*, когда субъектами массово-информационных процессов являются только СМИ и *позитивных* - когда таковыми становятся, по крайней мере потенциально, при наличии склонности к этому, все граждане.

⁹³ Истории свойственно повторяться. Когда в XV веке было изобретено книгопечатание, католическая церковь, до этого являвшаяся «властительницей душ» и естественным монополистом в сфере распространения знаний (значительная, если не большая часть книг переписывались в монастырях; потенциальные рассадники вольнодумства - университеты, также пусть и с переменным успехом контролировались

Благодаря использованию компьютерных сетей может произойти новое возрождение непосредственной демократии. Уже сейчас в странах с высокой долей домохозяйств, подключенных к Интернету, возможна организация голосований, представительность которых сравнима с уровнем физической посещаемости избирательных участков. В этих условиях принципиально можно вообще отказаться от парламента как такового, или сузить круг его законодательных полномочий, и перейти к решению всех принципиальных вопросов непосредственно населением.

Все упирается в добрую волю политиков отказаться от части своих прерогатив, и, конечно же, готовность широких масс населения возложить на себя ответственность за последствия принимаемых решений. В случае ошибок обижаться будет уже не на кого. Впрочем, среди политиков обязательно найдутся такие, которые посчитают себя способными убедить народные массы в правильности той или иной позиции, именно они рано или поздно выступят за переход к непосредственной демократии в информационном обществе. Их противники смогут предъявить лишь аргументы вроде «народ тёмный»...⁹⁴

церковью, поэтому одним из первых шагов при проведении Реформации было создание собственных, протестантских университетов, например, в Марбурге в 1527 году), начала активную борьбу за наложение юридических ограничений на свободу печати, в первую очередь, в виде предварительной цензуры [Handwörterbuch zur deutschen Rechtsgeschichte. III. Band. Berlin, 1984. S.1902.]. В нашу эпоху выступление того или иного лица за ограничение свободы распространения информации в Интернете является свидетельством его принадлежности к правящей элите, что, кстати, помогает более ясно представить ее очертания.

⁹⁴ Вопрос о том, обращаться к населению или нет, решается по-разному. Например, коалиция ХДС/ХСС в Германии, удачно проведя несколько кампаний среди населения, добилась больших политических успехов несмотря на поражение на последних выборах в Бундестаг в 1998 году. Одновременно создается впечатление, что немецкие социал-демократы и «зеленые» (особенно, в лице министра иностранных дел Германии Й. Фишера) предпочитают действовать «для народа, но без народа». Последняя позиция преобладает в Европе, так, например, вопросы европейской интеграции стараются не выносить на референдумы. Отказ датчан во время одного из таких редких всенародных голосований от введения евро осенью 2000 года еще раз подтвердил принципиально различные подходы населения и правящего класса ко многим проблемам.

Если взглянуть на этот вопрос более широко, становится не совсем понятно, почему в законодательстве некоторых стран (в том числе и России) народу отказано в праве голосовать на референдумах по многим вопросам (среди причин называются необходимость специальных знаний, либо опасность популистских настроений), а, например, выбирать всемогущего главу государства на театрально организованных выборах, не

Серьезным минусом непосредственной сетевой демократии окажется информационное давление, постоянно оказываемое политическими силами на все население, которое в эпоху представительной демократии подвергалось информационному насилию лишь в периоды предвыборных компаний и других подобных мероприятий. *Объектом приложения усилий лоббистов станут не привычные к этому (в хорошем и плохом смысле) профессиональные политики, а рядовые граждане.* Вследствие этого обострятся и многие типичные интернетовские проблемы, например, проблема спама (рассылки произвольному кругу получателей электронных писем, как правило, рекламного содержания), которые, впрочем, в определенной степени можно будет скорректировать техническими и юридическими средствами (вспомним про информационную экологию).

Что касается роли традиционных участников политического процесса, партий и печатных, точнее «текстовых» средств массовой информации, то они также получают шанс на возврат позиций, утраченных ими в эпоху «теледемократии».

Профессиональные средства массовой информации получают новые технические возможности для поддержания интереса аудитории к новостям, событиям, и в конце концов, к самим себе. Опасаться конкуренции со стороны новоявленных «сетевых СМИ» не следует, так как качественно написанный текст остается таковым и на экране компьютера. Естественно, должны учитываться особенности Интернета как коммуникационного канала (например, те преимущества, которые он дает - оперативность, отсутствие физических ограничений на совокупный объем материалов и т.д.) и восприятия информации на экране мониторов (здесь сетевой журналистике не обойтись без создания особых стилей и жанров).

Проблема традиционных СМИ, в частности, российских, но не только, заключается в резком падении среднего уровня подготовки журналистов, приближающихся в основной массе по своим навыкам и знаниям к среднему представителю читательской аудитории. В условиях, когда сходит на нет техническая монополия институциональных средств массовой информации, одинаковое качество их материалов и текстов на домашних страничках интернетовских пользователей означает исчезновение объективной необходимости в существовании института СМИ как такового⁹⁵.

дающих никаких шансов на рационально обоснованное решение, - можно.

⁹⁵ Вкратце обоснуем это утверждение: газетные сообщения состоят из двух основных типов материалов - информации о фактах (министр Х.

Судьба традиционных партий в эпоху сетевой демократии также во многом зависит от них самих. При том, что многие функции посредничества между народом и властью, организации определенных социальных групп, теряют свое значение, могут появляться новые, дополнительные возможности для партийного строительства и практической работы партий. Так, в свое время Г.А. Явлинский заявил, что «мы создаем целую парторганизацию в Интернете»⁹⁶. Даже если тогда это была лишь красивая фраза, рано или поздно партиячейки в Интернете безусловно появятся, а понятие «виртуальная партия», считающееся в современном российском политическом жаргоне ругательством, будет обозначать всего лишь одну из разновидностей партийной структуры.

Сетевая демократия уже сейчас ставит непростые вопросы. Так в США возникли проблемы с интерпретацией деятельности «добровольцев», лиц, которые исключительно по своей инициативе и за свой счет размещали на своих сайтах информацию пропагандистского характера в пользу той или иной партии или кандидата⁹⁷. Это не традиционные

встретился с банкиром Y.) и комментариев (зачем они встречались, какие последствия можно ожидать). Со временем, информацию можно будет повсеместно получать у первоисточников - на сайтах компаний, государственных органов и т.д. В условиях, когда журналисты в основной своей массе переписывают пресс-релизы, обращение к официальным источникам, как минимум, помогает избежать искажений, привнесенных пишущей и снимающей братией, причем уровень информированности аудитории о том, «что же было на самом деле», абсолютно не страдает. Что касается комментариев, в подавляющем большинстве они ничего не могут дать дополнительно, до чего бы не мог додуматься среднеобразованный читатель/зритель. Качество «добавочной информационной стоимости», выражающейся в выборе из массы событий материалов, подлежащих освещению, в большинстве средств массовой информации также оставляет желать лучшего.

⁹⁶ Выступление Г.А.Явлинского на вечере в Центральном Доме кино. 1999. 21 января. Цит. по тексту, помещенному на сайте Общероссийской политической общественной организации «Объединение Яблоко» <http://www.yabloko.ru/>.

⁹⁷ Этот вопрос возник в связи с обращением кандидата в президенты от республиканской партии Джорджа Буша-младшего в Федеральную избирательную комиссию США (ФИК), и желавшего разъяснения, должны ли средства, потраченные добровольцами («волонтерами»), засчитываться в качестве пожертвований в избирательный фонд. ФИК дал в общем и целом отрицательный ответ в отношении волонтеров, официально зарегистрированных в качестве таковых, в то время как оценка действий лиц, никак явным образом не связанных с избирательной кампанией, осталась предметом догадок. См.: Rules for political Web sites still unresolved. CNET News.com. October 28, 1999.

средства массовой информации, не деятельность, организованная партиями. По сути, это высказывание отдельными гражданами их собственного мнения, которое благодаря Интернету становится доступным всему миру. В категориях гражданского права это можно охарактеризовать как совершение «действий в чужом интересе без поручения».

б) Глобализация и иностранное воздействие

Одним из последствий глобализации и постепенной замены вертикального устройства мира горизонтальным является изменение соотношения «внешний» и «внутренний» по отношению к различного рода социальным явлениям. О возможном исчезновении международного рынка и международного права как таковых уже говорилось, однако точно такие же тенденции можно наблюдать и в остальных сферах, например, информационной и политической. Это совершенно неизбежно в условиях, когда значительная часть населения, например, работники транснациональных корпораций (а их доля среди работающего населения повсеместно возрастает), идентифицируют себя уже не просто как граждане определенной страны, проживающие на определенной территории, но и как члены определенного горизонтального слоя, со своими интересами и потребностями, определяемыми не только, а у наиболее высокооплачиваемой части уже и не столько национальной спецификой.

Как было показано выше, процесс глобализации хотя и носит, на первый взгляд, стихийный характер, но эта социальная стихийность является равнодействующей различных социальных сил, отстаивающих свои интересы.

Информационное воздействие становится в настоящее время одним из весьма эффективных способов достижения поставленной цели. Его массировано применяют как государства, так и крупные компании и прочие структурированные общности (разного рода повстанцы и т.д.). Причем образуется своего рода «сетка» информационных усилий, отражающая пересечение интересов горизонтально- и вертикально-организованных субъектов.

Рассмотрим подробнее иностранное влияние (в первую очередь со стороны иностранных государств-глобализаторов) на определенную страну, которую надлежит вовлечь в процесс глобализации. Политическое развитие любой страны определяется в результате консенсуса между ее

элитой и народными массами. Следовательно воздействовать необходимо на обе эти компоненты политической воли.

Воздействие на представителей элиты производится давно известными методами:

1) объективно - экономическая зависимость (кредиты, привязанность к рынкам сбыта сырья, особенно в странах, экономика которых построена на производстве какой-либо монокультуры, и т.д.),

2) субъективно - приобщение к клубу «избранных» (участие в разного рода международных элитарных тусовках, возможность посещать фешенебельные курорты, хранить деньги в западных банках, отправлять детей на обучение в западные учебные заведения и т.д.).

Воздействие на массы также является обязательным условием управляемости элиты. История знает немало случаев, когда представители местной элиты, каким-либо образом испытавшие или испытывающие влияние Запада, направляли свои страны совсем по иному пути, чем это могли бы предположить зарубежные заинтересованные лица⁹⁸. Выше была приведена и другая причина информационного воздействия именно на народные массы: если для удержания у власти полезного режима, в принципе, можно обойтись исключительно силовыми методами, то для того, чтобы превратить страну в рынок сбыта информационных продуктов, этого уже явно недостаточно - необходимо овладеть умами и душами людей. Технические средства коммуникаций и глобализация рынков информации и культурной продукции упрощают эту задачу.

В итоге, у широких масс населения, с одной стороны, формируются определенные культурно-материальные потребности, с другой - притязания социально-политического характера. Последнее особенно важно. Дело в том, что права человека это, по сути, его правовые притязания, появляющиеся в первую очередь в его сознании (правосознании), одним из итогов чего является следующий парадокс: в эффективно организованном и изолированном от внешнего мира тоталитарном обществе, например, поздне-сталинском СССР нельзя говорить о нарушении прав человека («Ибо в тоталитарном сознании нет правовых притязаний, порождающих или отражающих права человека»)⁹⁹. Удачно сформировав нужные

---

⁹⁸ В качестве примера можно назвать Пол Пота, учившегося во Франции.

⁹⁹ См. подробнее: Четвернин В.А. Лекции по теории права. Выпуск I. М., 1999. С. 28-29. Отметим, однако, что эта точка зрения расходится с позицией, неоднократно выраженной Государственным департаментом США и другими профессиональными борцами за права человека во всем

притязания, можно весьма эффективно направлять стремления народных масс. Напротив, даже поставив страну в тяжелые экономические условия, но не добившись необходимых перемен в душах людей, очень непросто достичь поставленные цели¹⁰⁰.

Элита страны, испытывающая непосредственное воздействие на своих представителей со стороны зарубежных центров влияния и давление со стороны собственного народа, как правило, вынуждена идти в необходимом для глобализации направлении.

в) Безграничные возможности он-лайнного государства

Этот пункт представляет собой лишь краткое введение в тему, в нем приведены некоторые примеры, которые показывают, что уже сейчас появляются первые элементы новой структуры государственной власти, новые способы взаимодействия между государством и гражданами в информационном, точнее информатизированном обществе.

Большую пользу для более осмысленного рассмотрения этой темы дал бы ответ на вопрос: «А зачем вообще нужна информатизация/компьютеризация государственного аппарата?». Ведь на протяжении тысячелетий существования государства, оно, по мнению одних, относительно неплохо справлялось со свойственными ему задачами, а по мнению других - столь же относительно плохо. Причем уровень оснащения аппарата техническими средствами, и формальные стороны его организации, играли далеко не ведущую роль для оценки итогов деятельности государства.

Отвечая на поставленный вопрос, мы будем вынуждены ответить на другой: «Увеличивается или уменьшается объем задач, выполняемых государством?» Однако однозначный ответ получить вряд ли удастся. С одной стороны, многие сферы деятельности государства (например, инфраструктура) переходят в руки частных компаний, с другой - практически все наблюдатели отмечают в развитых странах рост

мире.

¹⁰⁰ Именно поэтому экономическая зависимость была отнесена к воздействию на элиту. Хотя от, например, экономических санкций страдает и население, но их воздействие все равно направлено на правящую верхушку в расчете на то, что последняя дрогнет. Если же она совершенно беспринципна (например, в современном Ираке) и готова вести борьбу «до последнего населянта», этот фактор теряет свое значение. **Удачу принесет не только создание катастрофической ситуации в экономике страны, чей режим необходимо сменить, но и повседневное «разъяснение» местному населению, кто конкретно в этом виноват.**

государственного делопроизводства и объемов управленческого труда. В Единой Европе причина (или, по крайней мере, одна из важнейших причин) этого лежит на поверхности: в процессе европейской интеграции правовое регулирование и связанное с этим государственное воздействие начинает проникать в те сферы жизни, до которых еще не добрались местные, национальные законодатели и бюрократы.

В отношении других стран назвать причины роста численности аппарата, несмотря на это перманентно не справляющегося со своими обязанностями, оказывается гораздо сложнее. Невольно в голову приходят законы Паркинсона, основной смысл которых для нас в данном случае заключается в отсутствии связи между эффективностью работы государства и его загруженностью реальными задачами, с одной стороны, и размерами и технической оснащенностью его аппарата, с другой. Хотя работы Паркинсона публиковались в 50-е годы XX века, компьютеризация органов государственной власти (например, в России в 90-е годы) и вообще любых управленческих структур дала немало примеров, когда это не только не приводило к росту производительности конторского труда, но даже снижала ее.

Когда обосновывается необходимость массовой компьютеризации государственного аппарата, то часто предлагается следующая модель (нижеописанный подход в столь ярко выраженном виде возник в США еще задолго до компьютерной эпохи, но именно в наше время получил распространение и в Европе). Государство представляет собой некую организацию по предоставлению специфических услуг, оплачиваемых гражданами уплатой налогов¹⁰¹. Длительное время государство было монополистом на этом «рынке», и по этой причине особой необходимости в повышении эффективности государственного механизма не было.

Однако в наше время эта монополия быстро размывается. Государства начинают конкурировать как друг с другом, так и с частными организациями. Межгосударственная конкуренция заметна, например, при размещении крупными транснациональными корпорациями своих предприятий, когда, как правило, важной, часто решающей причиной выбора страны является так называемый инвестиционный климат, в частности уровень налогообложения. Последний представляет ничто иное как стоимость государственных услуг, при равном качестве которых

---

¹⁰¹ О природе общественных благ и услуг см. подробнее: Остром В. Смысл американского федерализма. Что такое самоуправляющееся общество. М., 1993. С. 161-227.

преимущество имеет страна, предоставляющая их дешевле чем конкуренты. Примером конкуренции государства и частных организаций может быть передача споров по договорам между компаниями (причем вовсе не обязательно из разных стран) на рассмотрение коммерческих арбитражей (в том числе за рубежом по отношению к обеим спорящим сторонам), не являющихся органами власти какого-либо государства. Причиной такого решения, как правило, является более высокий уровень подготовки арбитров этих квазисудебных органов, а также, несмотря на довольно значительные накладные расходы, бóльшая экономическая эффективность таких разбирательств, в том числе за счет ускоренного, по сравнению с государственным, производства по делам (еще раз подчеркнем - не за счет качества решений, как это происходит в государственных судах).

В настоящее время многие коммерческие предприятия пытаются с помощью компьютеризации получить преимущества по отношению к конкурентам. Кроме компьютеризации конторского труда, часть работы, выполняемой ранее сотрудниками в части обслуживания клиентов, перекладывается на разного рода автоматы: банкоматы, банковские терминалы, сайты в Интернете (он-лайн-банки, интернетовские магазины и т.д.). Это позволяет, не сокращая спектра предоставляемых услуг, резко снижать их себестоимость, работать круглосуточно семь дней в неделю. По такому же пути предлагается идти и государству.

С технической точки зрения сделать это несложно уже сейчас. Многие управленческие функции, выполняемые чиновниками, прекрасно поддаются формализации и автоматизации. По сути дела чиновники работают (точнее должны работать) как автоматы: при установлении определенных фактов они должны принимать вполне определенные решения.

Так, например, в Финляндии уже существует возможность заполнения формуляров на регистрацию граждан в он-лайн-режиме. Финские законодатели обязали все государственные органы до конца 2001 года сделать доступными через Интернет их услуги. Финляндия не зря оказалась среди первопроходцев интернетизации государственного аппарата, именно в этой стране существуют объективные потребности и возможности для этого. С одной стороны, редконаселенная территория с достаточно большими расстояниями между гражданами и управленческими органами, что всегда затрудняло физическое посещение последних, с другой - самая высокая в Европе доля домохозяйств, имеющих подключение к Интернету - 80 проц. Для остальных такая возможность предоставляется в публичных

библиотеках. Таким образом, решена важная проблема дискриминации граждан по признаку наличия компьютера и доступа к Интернету¹⁰².

Интернет предоставляет и другие возможности для коммуникации между гражданами и государственным аппаратом. Например, по сети можно узнать на какой стадии обработки и в каком органе или подразделении находится вопрос данного гражданина. Примером для этого может послужить система, внедренная частной почтовой компанией «Федерал Экспресс», чьи клиенты получили возможность с помощью компьютерных сетей отслеживать прохождение своих посланий¹⁰³. Это способно сделать государственное делопроизводство почти буквально прозрачным, и, например, учитывая особенности российской бюрократической системы, может содействовать ее качественному перерождению.

Нагляден пример Германии как страны с образцово налаженной бюрократией, правительство которой тем не менее посчитало необходимым компьютеризацию сферы социального управления. Еще в 1997 году можно было прочесть следующую оценку состояния государственного аппарата: «Акционерное общество Германия» к сожалению не обладает четкой стратегией того, как информационная техника может послужить благу граждан и самой страны. Тем не менее это возможно. Как раз в административной сфере мы могли бы достичь потрясающего снижения расходов: цифра в 30 проц. является вполне реалистичной по опыту, полученному во многих отраслях промышленности. Одновременно можно было бы существенно повысить уровень обслуживания. «Компактное государство» (нем. der «schlanke Staat». - А.Р.) можно создать с помощью информационных технологий, и лишь таким образом»¹⁰⁴.

---

¹⁰² См. подробнее: In Finland macht moderne Technik Behördengang überflüssig. Chipkarte statt Ausweis. Technik und Innovation: CeBIT 2000, Beilage zum Handelsblatt. 16. März 2000. Заголовок статьи звучит вполне красноречиво: В Финляндии современная техника делает посещение государственных органов излишним. Чиповая карта вместо паспорта.

¹⁰³ См. подробнее: Der schlanke Staat ist machbar. Network computing in der öffentlichen Verwaltung (Компактное государство можно создать. Сетевые компьютерные технологии в публичном управлении). CeBIT' 97. Beilage zur Frankfurter Allgemeine Zeitung. 11. März 1997.

¹⁰⁴ Ibid.

Строго говоря, в немецком юридическом языке понятие «der schlanke Staat» используется для обозначения результата разгосударствления, «уменьшения» государства в институциональном (например, сокращение

После продолжительных и довольно бурных дискуссий немецкие власти перешли к действиям. Так правительство Германии приняло ряд программ по интернетизации как государственного аппарата, так и вообще всех сторон повседневной жизни граждан. В частности, долю домохозяйств, имеющих подключение к Интернету, было решено довести к 2005 году до 40 проц.(как это далеко до уровня Финляндии!), а владение компьютером и навыки работы в компьютерных сетях были объявлены интегральной частью состояния грамотности, иными словами, человек, не умеющий работать с Интернетом, не может считаться полностью грамотным. Что касается общения с государственными чиновниками, то пока интернетизация коснулась в основном вопросов информирования: сейчас (или в ближайшем будущем) по сетям можно (будет) получать информацию о деятельности госорганов, а также формуляры различных бланков, например, налоговых деклараций.

Интернетизация страны весьма выгодная государству: в он-лайновом обществе, граждане которого совершают социально-значимые действия с помощью компьютерных сетей, государство получает поистине уникальные возможности по тотальному контролю за населением. Уже сейчас значительная часть расчетов в европейских странах и США производится в безналичной, электронной форме. Финансовые транзакции фиксируются и информация о них может быть относительно легко получена компетентными органами. Именно невозможность этого в отношении финансовых потоков в других странах, делает борьбу с «отмыванием денег» особенно актуальной, под ее лозунгом страны-глобализаторы пытаются получить доступ к данным о любых финансовых операциях¹⁰⁵.

аппарата) и функциональном (сокращение областей государственного вмешательства) смыслах, при тесной связи этих обоих процессов. Применение информационных технологий может способствовать сокращению аппарата, но не связано с решением вопроса о том, какие социальные задачи должно решать именно государство. Вместе с тем, появляется непреодолимый соблазн поставить все большее число социальных процессов под контроль электронных ящиков, в итоге чего само понятие «*der schlanke Staat*» теряет свое традиционное значение: отныне институциональное *разгосударствление* возможно при функциональном *огосударствлении*.

¹⁰⁵ Действительно, лишь получив всеобъемлющую информацию обо всех финансовых операциях, можно решить, какие из них допустимы, а какие носят «мафиозный» характер. Если получать информацию не обо всех операциях, то такой выборочный контроль теряет свою эффективность. Доверять контроль самим банкам нельзя в силу их

Важную роль в процессе интернетизации играет позиция граждан. Согласно одному из последних опросов, около 53 проц. немцев моложе 65 лет не имеют ничего против общения с государством через компьютерные сети¹⁰⁶. Однако, учитывая всеобщий характер взаимодействия между гражданами и государством, такой результат не может считаться достаточным. Вообще, несмотря на гораздо большее число разного рода автоматов самых разных типов, с которыми жители развитых стран постоянно сталкиваются в повседневной жизни, готовность населения к еще большей автоматизации общественных процессов оценивается весьма по-разному. Некоторые исследования свидетельствуют о росте технофобии среди людей.

В обобщенном виде изменения, происходящие в организации государственного управления можно охарактеризовать как воплощение идеи компактного государства в ее новом варианте, в виде так называемого сетевого (он-лайнного) государства. Это может не только снизить расходы, но и закамуфлировать все большее вмешательство государства во все новые сферы жизни общества, факт ранее фиксируемый на основании роста размеров государственного аппарата и численности государственных служащих.

* * *

заинтересованности в деньгах клиентов.

¹⁰⁶ Die Welt. 14. September 2000.

Заключение

Понятие «постиндустриальное общество» было введено в научный оборот за рубежом. Случилось это отнюдь не зря, именно на Западе и в странах, непосредственно входящих в сферу его влияния, можно сделать многочисленные эмпирические наблюдения, анализ которых приведет к вполне определенному спектру интерпретаций. Данная работа также неизбежно должна была основываться на фактах и упоминать теории в основном иностранного происхождения. Представляется, что влияние общемировых тенденций на Россию носит пока во многом «внешний» характер, появляется новая «обертка», но содержание, если и изменяется, то не так как кажется извне. В общем-то, в этом нет ничего принципиально нового, подобный дуализм характерен для нашей страны, как минимум, со временем петровских преобразований.

Поэтому можно утверждать, что Россия пока окончательно не попала ни в лагерь глобализаторов, ни глобализируемых. Более того, она является одной из немногих стран, для которых этот выбор вообще может не иметь обязательного характера. В этой связи, наиболее правильным представляется наименее популярный в отечественных политических и научных кругах подход - *выборочный*, или если так угодно, *просвещенный изоляционизм*. Детальное описание того, как это может выглядеть на практике, выходит за рамки данной работы. Тем не менее следует оговориться, что речь идет не о банальном ограничении контактов с внешним миром (введение выездных виз, цензура, глушение «голосов»), а о несравненно более тонких и действенных формах: изоляции от тенденций, взглядов, господствующих в (около)западном мире в течение последних 20-30 лет. Рубежом такой отстраненности должны стать не границы страны, а души людей. Можно объездить весь мир и тем не менее сохранить собственную идентичность, а можно, ни разу не покинув своей деревни, ничем, кроме налета национального колорита, не отличаться от точно такого же люмпена в нищенском пригороде какого-нибудь бразильского мегаполиса.

Объективными предпосылками изоляционистской политики являются географическая обособленность России, ее самодостаточность во многих сферах (экономике, культуре и др.). Избежав финала, которого неизбежно достигнет «золотой миллиард», Россия может оказаться в один прекрасный момент в совершенно монопольном положении - она останется единственной страной европейского культурного круга, в которой еще

сохранился «человеческий образ жизни», со всеми присущими ему плюсами и минусами.

Понимание происходящих ныне социальных изменений как в мире, так и в России, осложнено *тремя причинами*, одной специфической для нашей страны, и двумя - для современного общества вообще.

До сих пор *сознание российских интеллектуалов имеет довольно отдаленное понимание того, что из себя представляет западное общество и в каком направлении оно развивается*. (Пост)советская элита увидела на Западе лишь полки супермаркетов, а значительная масса интеллигенции до сих пор пытается выбирать между позицией славянофилов и западников, не подозревая о том, что Запад ныне совсем не тот, каким он был в середине XIX века (да и в середине XX). Работы современных российских интерпретаторов западной реальности, знающих ее не только по обложкам глянцевого журналов и туристическим поездкам, таких, как А.А.Зиновьев, не пользуются большой популярностью в научной среде.

Даже, если бы это все было не так, вряд ли что-нибудь изменилось. Дело в том, что связь между сферой интеллектуальной деятельности и практикой в России носит совсем иной характер, чем в развитых странах, причем это сказывается как на (не)использовании результатов научных изысканий, так и на их качестве, если математики, наверное, могут выдавать неплохой результат в тиши кабинетов, то (русские) исследователи социума, переписывающие в библиотеках чужие труды (написанные иностранными учеными на основании иностранного фактического материала), с полным осознанием объективной ненужности своей работы для собственного общества, никогда не придут к выводам, заслуживающим хоть какого-нибудь внимания.

С другой стороны, *провозглашаемая на Западе и отчасти действительно происходящая коммерциализация сферы знаний*¹⁰⁷ способствует тому, что осмысление действительности оказывается во все большей зависимости от капитала, действующего, почти по К. Марксу, в соответствии с какими-то присущими и ясными только ему внутренними законами.

К тому же *всеобщая унификация образов жизни в постиндустриальном, транснациональном обществе устраняет возможности для применения сравнительных методов*, без которых часто оказывается

---

¹⁰⁷ Один из популярных лозунгов современности: «Knowledge based economy» - англ. «экономика, основанная на знаниях».

невозможным получение сколько-нибудь удовлетворительных результатов («все познается в сравнении», если сравнивать будет нечего, то познавательная деятельность прекратится). Конечно, сохранятся различия между самими слоями, но элита вряд ли захочет, чтобы ее сравнивали с нижестоящими группами, так как такие сравнения приведут к вполне определенным выводам. И ранее «различия» или, наоборот, их отсутствие, между вертикальными общностями - народами и государствами - во многом носили стереотипный характер, были продуктом воздействия правящих классов отдельных стран на массы, и на самих себя. Нет никаких оснований полагать, что наследница этой традиции - мировая элита, будет менее удачлива в создании необходимых стереотипов¹⁰⁸, тем более что серьезные исследования всегда зависели от власть предержащих, а играть на противоречиях между различными (национальными) группировками, как это иногда удавалось во времена партикуляризма, в общепланетарную эпоху не получится.

* * *

В заключение заметим, что данную работу следует понимать не как буквальное описание действительности, а как результат абстракции, идеализации, в результате чего многие, пока не слишком явные тенденции стали более заметны, или, быть может, даже гиперболизированы.

Итогом этого стало создание модели, связь между которой и реальностью такова, какой она всегда бывает между моделью и моделируемым явлением, что тем не менее по мнению автора позволяет несмотря на схематичность предложенных построений дать достаточно наглядную картину тех изменений, которые происходят в обществе и государстве, или могут произойти. Последнее представляется особенно важным: конечный смысл социальных исследований (в том числе и исторических - мы пытаемся понять прошлое, чтобы лучше понимать настоящее и будущее; порой, правда, привнося свое понимание настоящего в понимание прошлого) как раз и заключается в описании и обосновании, опираясь на современное понимание (а иного у нас нет), сценариев возможного развития¹⁰⁹.

---

¹⁰⁸ Тоталитарный туман «политической корректности» - только начало.

¹⁰⁹ «В зависимости от эпохи изменяется и наша манера задавать вопросы, она определяется изменением наших собственных потребностей и

Единственное в чем никто не сомневается в отношении будущего, ожидающего государство, это глубокие изменения, которые оно претерпит. Сохранится ли его сущность или оно будет заменено другими механизмами социального регулирования, покажет время и то, как доктринеры будущего проинтерпретируют произошедшие изменения.

приводит, таким образом, к разным ответам: наблюдатель оказывает влияние на исследуемый объект. Нельзя никогда забывать, что никакая теория не выражает реальности мира во всей полноте, она выступает лишь посредником между миром и разумом». [Рулан Н. Юридическая антропология. М.: 1999. С. 49].

Мы начали эту работу с обширной цитаты из книги Ф.Уэбстера и упоминания «идеальных типов» М.Вебера, и завершаем ее той же мыслью - абстрактные теоретические построения способны стать ключом к пониманию реальности, даже если ее описания, содержащиеся в них, весьма далеки от оригинала (но не ошибочны!). Вместе с тем, социальное понимание неизбежно является заложником ценностей (взятых «по модулю», их оценка исследователем может быть как положительной так и отрицательной, и даже, что бывает несравненно реже - нейтральной), господствующих в данном обществе и в данный период. И лишь осознание этого способно в определенной степени ослабить зависимость, не устранив ее окончательно.